

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное общеобразовательное
учреждение высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

В.П. Потамская

**Философия истории:
нарратив в историческом познании**

Учебное пособие

Тверь 2023

УДК 930.1 (075.8)
ББК 60.03я7

Рецензенты: кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры психологии, истории и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» Михеев М.И.; доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет» Буланов В.В.

Потамская В.П. Философия истории: нарратив в историческом познании: учебное пособие. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2023. 84 с.

Посвящено изучению постклассической философии истории, предложившей новые эпистемологические стратегии исторического познания. Предметом исследования является одна из интересных попыток осмысления исторического познания, представленная в рамках аналитической философии истории, развивавшейся во взаимодействии с философией языка и философией науки.

Содержит лекционный материал, планы аудиторных и семинарских занятий, перечень тем докладов и контрольные вопросы для каждого семинара, методические рекомендации для подготовки к докладам, тексты для обсуждения, ссылки на рекомендуемую литературу.

Создано с учетом требований ФГОС по учебным дисциплинам «Философия», «История (история России, всеобщая история)».

ISBN 978-5-7995-1271-2

© Тверской государственный
технический университет, 2023
© Потамская В.П., 2023

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление истории как философско-историческая проблема осуществлялось на протяжении развития философской мысли. Следует выделить две основные модели объяснения философии истории: критическую и спекулятивную. В рамках первой основное внимание уделяется мышлению историка, исследующего исторические события. Вторая модель предусматривает такую интерпретацию течения исторического процесса, при которой спекулятивно ориентированный философ стремится обнаружить скрытый смысл, сформулировать исторические законы. История в этом случае предстает не в виде совокупности случайных сингулярных событий, а как постижимая реальность, подчиненная единой цели развития. Спекулятивный философ обращается также к поиску субстанциональных основ истории и наделяет историю каким-либо смыслом, усматриваемым в реализации определенных принципов, идей, сущностей или ценностей¹.

Спекулятивная философия истории, нашедшая свое наиболее яркое выражение в учениях И. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, основывается на европейской традиции, получившей свое начало в телеологических и провиденциалистских концепциях Средневековья, позже в той или иной степени секуляризованных. Спекулятивная философия истории была представлена преимущественно немецкой традицией. Согласно подобной концепции история воспринималась как целостность, совокупность событий, структур, подчиненных единому конечному процессу развития истории. Интерпретируя исторический процесс, представители этого направления стремились обнаружить его скрытый смысл или сформулировать исторические законы. Спекулятивная философия ассоциируется с историческим предвидением, то есть попыткой предсказать и обосновать будущее на основе выявленного ими закономерного хода исторических событий.

Следует отметить, что в рамках спекулятивной философии истории прошлое и история как таковые не разделялись. Однако, как представляется, прошлое и история относятся к разным онтологическим категориям. Прошлое может быть определено как то, что однажды произошло и более не повторится, а история реализуется в повествовании, выстраиваемом в соответствии с определенными бытующими социально-культурными установками или идеальными типами, существующими в каждом обществе. Тем самым, с одной стороны, существует прошлое, а с другой – повествование о нем.

¹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 6.

Развитие истории как академической дисциплины во второй половине XX – начале XXI века связано с поиском новых мировоззренческих и методологических оснований исследовательской практики постижения прошлого. Историзм как тренд философии второй половины XIX–XX веков пережил кризис в осмыслении прошлого, связанный с отходом от концепции истории как целостности, наделенной определенным смыслом, отказом от выявления законов поступательного развития, возможности предопределенности настоящего прошлым или будущего настоящим. В ходе рефлексии относительно различных потрясений, пережитых мировым сообществом в этот период, обостряется историческое сознание, что стимулирует попытки объяснить и осмыслить современную ситуацию.

Постклассическая философия предложила иные эпистемологические стратегии исторического познания. Одна из интересных попыток осмысления исторического познания представлена в рамках аналитической философии истории, развивавшейся во взаимодействии с философией языка и философией науки. Проблемы исторического познания анализируются в ее границах посредством исследования языка историков и повествования – той формы, в которой репрезентируется прошлое.

В учебном пособии предлагается комплексное описание специфики аналитической философии истории, нашедшей свое наиболее полное отражение в работах К.Г. Гемпеля, К. Поппера, А. Данто, Х. Уайта, Ф. Анкерсмита.

Важное место среди форм организации обучения студентов занимают семинарские занятия. Семинары проводятся по наиболее сложным вопросам, темам, разделам учебной программы с целью углубленного изучения дисциплины. Поскольку жанр учебного пособия предполагает практическую направленность материала, каждый тематический раздел содержит перечень вопросов для самоконтроля, темы докладов, тексты и набор ключевых терминов.

Для стимулирования развития самостоятельного мышления используются различные активные методы и приемы обучения: вопросы для самоконтроля, интерактивный опрос, работа с источниками. При проведении в процессе обучения семинаров различных типов у обучающихся формируется научно аргументированная позиция относительно изучаемых вопросов, происходит осознание важности рассматриваемых проблем.

Методические рекомендации студенту

Основными формами самостоятельной работы на семинарских занятиях являются доклады студентов и работа с источниками. Доклад – публичное сообщение, которое содержит информацию и отражает суть вопроса или исследования применительно к данной ситуации. Может

выполняться в индивидуальном порядке либо группой обучающихся с применением мультимедийной презентации. Работа с текстом подразумевает анализ и интерпретацию прочитанного материала, готовность ответить на возникающие вопросы.

Подготовка доклада

Этот вид деятельности предполагает расширение научного кругозора студента, овладение методами теоретического исследования, развитие самостоятельности мышления. Будучи продуктом индивидуального творческого осмысления, доклад может быть представлен в различных видах:

устный (читается по итогам проделанной работы и служит эффективным средством разъяснения ее результатов);

письменный (краткий – до 20 страниц – резюмирует наиболее важную информацию, полученную в ходе исследования; подробный – до 60 страниц – включает не только текстовую структуру с заголовками, но и диаграммы, таблицы, рисунки, фотографии, приложения, сноски, ссылки, гиперссылки).

Методика выполнения доклада:

- 1) четко сформулировать тему (например, письменного доклада);
- 2) изучить и подобрать литературу, рекомендуемую по теме, выделив три вида источников библиографической информации:
 - первичные (статьи, диссертации, монографии и т. д.);
 - вторичные (библиография, реферативные журналы, сигнальная информация, планы, граф-схемы, предметные указатели и т. п.);
 - третичные (обзоры, компилятивные работы, справочные книги и др.);
- 3) составить план, который полностью согласуется с выбранной темой и логично раскрывает ее;
- 4) написать доклад, соблюдая следующие требования:
 - структура доклада должна включать краткое введение, обосновывающее актуальность проблемы; основной текст; заключение с краткими выводами по исследуемой проблеме; список использованной литературы;
 - общие положения необходимо подкрепить и пояснить конкретными примерами; не пересказывать отдельные главы учебника или учебного пособия, а изложить собственные соображения по существу рассматриваемых вопросов, внести свои предложения;
- 5) правильно оформить работу.

ГЛАВА 1

ЛОГИКА АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ И НАРРАТИВ: МОДЕЛЬ К. ПОППЕРА – К. ГЕМПЕЛЯ

Идея достижения окончательной точки истории (некоего идеального состояния) продолжала оставаться существенной на протяжении всего времени становления спекулятивной философии. Спекулятивной философии свойственно раздвоение мира: существует мир непосредственно воспринимаемых событий (иными словами, мир происходящей истории), и некий процесс или план, которому следует история человечества и который, находясь за пределами истории, реализуется в ней. Спекулятивное толкование истории ассоциируется и с историческим предвидением – попыткой предсказать будущее исходя из выявленного «закономерного хода» исторических событий, а также с определенным фатализмом, понимаемым как невозможность изменить предначертанное. Сама по себе история являлась, по сути, метанарративной, поскольку представляла собой рассказ, обладающий традиционной структурой нарратива (начало, середина, конец) и имеющий определенный сюжет.

Подобные европейские историософские концепции подвергались критике в рамках аналитической философии истории, пересмотревшей такие понятия, как смысл истории, целостность истории, историческая истина, исторические законы, историческое познание.

Критика спекулятивной философии истории и историцизма Карлом Поппером связана с его общественно-политическими взглядами. Отстаивая идеи демократического либерализма как социально-политической философии, он анализирует историцизм преимущественно на основе доктрин Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, рассматривая данный концепт как философскую предпосылку тоталитарных режимов.

Основополагающими трудами Поппера, посвященными философии истории, являются «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». Первая работа посвящена анализу основных теоретических положений данного концепта, в то время как во второй Поппер выдвигает демократическую социально-политическую концепцию открытого общества, подвергая критике историцистские подходы различных философов – от Гераклита до К. Маркса².

Под термином «историцизм» Поппер подразумевает взгляд на историю, согласно которому исторический процесс управляется и

² Corvi R. An introduction to the thought of Karl Popper. L.; N. Y.: Routledge, 1997. P. 163.

предопределяется законами, которым в свою очередь подчиняются люди³. Следует сказать, что элементы историцистской концепции впервые появились у Гомера. Согласно древнегреческому мыслителю, история представляет собой результат действия божественной воли, окончательный смысл которой не может быть раскрыт человеку⁴. Об идее общего пути (другими словами, о тенденциях исторического развития) говорил и Гесиод. Гераклит также являлся одним из первых историцистов, о чем свидетельствовали его идея о «неизменном и неумолимом законе предопределения» и «чрезмерное внимание к изменчивости», которые преобразовались в «теорию движущей силы всех перемен». Более ярко историцизм проявился в философии Платона, сформулировавшего закон исторического развития, согласно которому «всякое социальное изменение есть гниение, распад или вырождение». Это утверждение составляет часть космического закона существования всех созданных или порожденных вещей. У Платона прослеживается и утопическая социальная инженерия, характеризуемая Поппером как тоталитаризм. В целом им осуждается античный историцизм, заложивший основы для философских концепций Нового времени.

Особое неприятие у К. Поппера вызывал Г.В.Ф. Гегель – яркий представитель историцизма XIX века. Согласно его философским взглядам, единственным способом получить какие-либо знания о социальных институтах, например о государстве, является изучение их истории, или истории их «духа». Каждая нация, которая желает «подняться до существования», должна утвердить свою индивидуальность, или душу, выйдя на «сцену истории», сражаясь с другими нациями⁵. Тем самым целью существования наций объявлялась борьба за мировое господство.

По мнению Поппера, Платон, Гегель и Маркс были тоталитарными мыслителями, поэтому необходимо избегать их способа мышления и обратиться к научному стилю исследования. «Это была очень убедительная, идеологическая риторика, которой продолжают придерживаться большинство американских философов, убежденных в том, что политическая и нравственная благопристойность неразрывно связана с уважительным отношением к научной рациональности»⁶.

³ Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Либроком, 2012. С. 3.

⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1: Чары Платона. С. 73.

⁵ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. С. 58–59.

⁶ Рорти Р. После философии – демократия // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги: Гнозис, 1999. С. 132.

Поппер классифицирует воззрения историцистов, выделяя «пронатуралистическую» школу, представители которой считают возможным применение методов физики к социальным наукам, и «антинатуралистическую школу», в рамках которой методы физики недопустимы.

В целом Поппер отмечает следующие элементы концепции историцизма:

1. Существование единой истории человечества, подчиненной определенным законам исторического развития.
2. Открытие закона эволюции общества, позволяющего предсказать будущее, как главная задача общественных наук.
3. Невозможность остановить и изменить закономерный ход истории.
4. Возможность истолкования явлений и событий только в рамках исторического и культурного контекста.
5. Объект исследования – целостный социальный организм, все социальные и исторические события определенной эпохи (холизм).
6. Неприменимость методов естественных наук к социальным наукам (в рамках антинатуралистических концепций).
7. Возможность социального эксперимента в холических масштабах.

Критика К. Поппером историцизма базируется на критическом рационализме как философско-методологической основе подхода к общественной жизни. Другой основой попперианской критики является фаллибилизм, в рамках которого любое знание является исключительно промежуточной интерпретацией в поисках истины и подразумевает замену на более удачную, а также антииндуктивизм. Отвергая эссенциализм, Поппер отстаивает принцип методологического индивидуализма, близкий идеям Г. Риккерта о невозможности теоретических генерализаций в социальных науках⁷. Поппер подвергает критике и исторический релятивизм, в соответствии с которым морально-этические критерии формируются в рамках определенного исторического контекста, а истинность обобщений ограничена конкретным историческим периодом.

Поппер настаивает на невозможности постижения истории в ее целостности: «история смысла не имеет», поскольку существуют конкретные единичные события, которые нельзя объединить в единую последовательность: «Есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них – история политической власти»⁸. Несмотря на то что история не имеет

⁷ Поппер К.Р. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993. С. 154–155.

⁸ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 312.

смысла, человек может придать ей смысл, играя тем самым основополагающую роль в историческом развитии⁹.

Многообразие различных аспектов мира приводит к избирательной истории: «... Наше описание всегда будет неполным, избирательным и к тому же в него всегда будет включена лишь небольшая часть того множества фактов, которое в принципе может быть описано»¹⁰. Историческое описание неисчерпаемо. С точки зрения К. Поппера, человек не способен полностью понять мир в силу того, что он может оперировать только предположениями. Вместе с тем у него есть возможность учиться у других посредством коммуникации¹¹.

Поппер характеризует исторические теории как непроверяемые в силу того, что к ним неприменим принцип фальсификации, и отвергает возможность или целесообразность теоретического знания, так как социальный мир не поддается общим теоретическим представлениям. «Исторические теории» отличаются от научных ограниченным количеством данных, поскольку информация, содержащаяся в исторических источниках, либо соответствует некоторой сконструированной заранее теории, либо интересна для воспроизведения. При отсутствии всех данных проверка исторической теории невозможна¹².

В истории существуют интерпретации – определенные точки зрения, которые не могут быть сформулированы в виде проверяемой гипотезы. Поппер отмечает историческую и социальную обусловленность интерпретаций, которые являются неограниченными и непроверяемыми. Исторические события могут быть истолкованы с различных точек зрения: с позиций классовой борьбы, борьбы за расовое господство, научно-технического прогресса и т. д. Вместе с тем нельзя говорить о равноценности интерпретаций, так как «существуют не соответствующие фактам интерпретации, интерпретации, требующие вспомогательных гипотез, и интерпретации, в рамках которых ряд фактов не согласуются между собой, в то время как эти факты вполне согласуются и тем самым “объясняются” с помощью другой интерпретации»¹³. Главная ошибка историцизма заключается, по мнению Поппера, в отождествлении интерпретаций и теорий¹⁴.

Вдохновленный философскими идеями Венского кружка, Поппер предпринимает строгий анализ исторического объяснения и предлагает следующую модель: для того чтобы дать объяснение причин события,

⁹ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 321.

¹⁰ Там же. С. 301–302.

¹¹ Shearmur J. The Political Thought of K. Popper. L.; N. Y.: Routledge, 1996. P. 68.

¹² Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 307.

¹³ Там же. С. 308.

¹⁴ Поппер К.Р. Нищета историцизма. С. 173.

необходимо вывести описывающее его высказывание, используя в качестве предпосылок один или несколько универсальных законов вместе с определенными сингулярными высказываниями и изначальными условиями. Поппер также признает, что универсальные законы должны быть строгими универсальными высказываниями, которые не допускают никаких исключений. Например, можно дать причинное объяснение разрыва некоторой нити, если обнаружено, что она имеет предел прочности один фунт, а к ней был подвешен груз весом в два фунта. При анализе этого причинного объяснения могут быть выделены его составные элементы. С одной стороны, здесь имеется гипотеза: «Всякая нить, нагруженная выше своего предела прочности, разрывается» – высказывание, имеющее характер универсального закона природы. С другой стороны, присутствуют сингулярные высказывания (в данном случае их два), применимые только к данному обсуждаемому событию: «Предел прочности данной нити равен одному фунту» и «К нити подвешен груз весом в два фунта». Для полного причинного объяснения необходимы утверждения различных видов: универсальные высказывания, носящие характер естественных законов, и сингулярные высказывания, относящиеся только к обсуждаемому явлению¹⁵. Тем самым в историческом объяснении определенную роль играют универсальные законы: «Единичное событие выступает причиной другого единичного события, которое является его следствием только в свете некоторых универсальных законов. Но такие законы могут быть настолько тривиальными и обыденными, что о них не стоит и упоминать, а тем более замечать их существование. Если мы говорим, что причиной смерти Джордано Бруно явилось его сожжение на костре, то не обязательно упоминать при этом универсальный закон, гласящий, что все живые существа при высокой температуре погибают. Такой закон неявно подразумевается»¹⁶.

Подобная модель объяснения была подробно разработана К. Гемпелем. Работы Гемпеля как философа и естественнонаучно ориентированного ученого, по мнению П. Горски, долгое время практически не были затронуты историками, поскольку он не воспринимался как ученый, изучающий общество, или как человек, заинтересованный в исследовании истории как науки. Однако гемпелианские философские проблемы сопоставимы с социальными, следовательно, теория Гемпеля позволяет радикально пересмотреть подход к историческому исследованию.

В статье «Функции общих законов в истории» Гемпелем предпринята попытка критического описания деятельности историка в

¹⁵ Поппер К.Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. С. 83–84.

¹⁶ Поппер К.Р. Нищета историцизма. С. 166–167.

силу недостаточности теоретического обоснования исторических интерпретаций. Как отмечает философ, цель историка состоит скорее в детальном исследовании сущности конкретных событий прошлого, нежели в поиске общих законов, которые управляют этими событиями. Когда историк стремится выйти за пределы чистого описания и создает причинную связь между фактами прошлого, он использует некоторые общие законы, независимо от того, отдает ли он себе в этом отчет. Общий закон в истории – это высказывание универсальной формы условий, которые могут быть подтверждены с помощью соответствующих эмпирических исследований и лучше всего могут быть объяснены как высказывание, связывающее причину и напрямую соотносимое с ней следствие¹⁷.

В 1948 году Гемпель совместно с П. Оппенгеймом предлагает строгий анализ научного объяснения на основании модели охватывающих законов (дедуктивно-номологической модели). «Согласно этой модели событие объясняется, когда утверждение, описывающее это событие, дедуцируется из общих законов и утверждений, описывающих предшествующие условия; общий закон является объясняющим, если он дедуцируется из более исчерпывающего закона»¹⁸.

Гемпель, следуя за моделью причинного объяснения Поппера, конкретизирует ее. Модель охватывающих законов (МОЗ) акцентировала важнейший аспект научного объяснения – связь с законами науки. Цель философа заключалась не в том, чтобы дать отчет о реальной практике исторического исследования и объяснения, а в том, чтобы показать направление ее изменения и развития¹⁹. Объяснение состоит из двух главных частей: экспланандума и эксплананса. Под экспланандумом понимается предложение, описывающее объясняемое явление (но не само явление); под экспланансом – класс предложений, используемых для объяснения данного явления. Эксплананс разделяется на два подкласса: один из них включает определенные предложения C_1, C_2, \dots, C_n , описывающие специфические антецедентные условия; другой – множество предложений L_1, L_2, \dots, L_n , представляющих собой общие законы²⁰. В объяснении данного типа некоторое эмпирическое явление (конкретное событие) объясняется при помощи того, что экспланандум (объясняемое

¹⁷ Jefferson J. Toward Laws in History: Carl G. Hempel and the Evidence Dilemma [Electronic resource]. URL: <http://www.nobleworld.biz/images/Jefferson.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

¹⁸ Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1998. С. 7.

¹⁹ Назарова О.А. Судьба идей Гемпеля во второй половине XX века // Гемпель К.Г. Логика научного объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги: Русское феноменологическое общество, 1998. С. 224.

²⁰ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 91.

положение) выводится дедуктивным путем из ряда других положений и содержание экспланандума состоит в описании данного события²¹.

Составные части правильного объяснения должны отвечать следующим условиям: во-первых, экспланандум должен быть логическим следствием эксплананса. Во-вторых, эксплананс должен содержать общие законы, необходимые для выведения экспланандума. В-третьих, эксплананс должен обладать эмпирическим содержанием, то есть быть проверяем. Общие законы при этом устанавливают общие связи между явлениями и способствуют логическому выводу. Экспланандум должен быть логическим следствием эксплананса. Как справедливо отмечает Ф. Китчер, принципиальными чертами гемпелианского объяснения можно считать убеждения: 1) все объяснения представляют собой аргументацию; 2) выводом из объяснения является высказывание, описывающее объясняемый феномен; 3) среди предпосылок объяснения должен быть хотя бы один общий закон²².

Эксплананс должен содержать общие законы, которые действительно необходимы для выведения экспланандума. Эксплананс обладает эмпирическим содержанием, тем самым он принципиально проверяем экспериментом или наблюдением²³. «Общий закон – утверждение универсальной, условной формы, способное быть подтвержденным или опровергнутым с помощью соответствующих эмпирических данных. Другими словами, в каждом случае, когда событие определенного вида *P* имеет место в определенном месте и в определенный момент времени, событие определенного вида *C* будет иметь место в том месте и в тот момент времени, которое определенным образом связано с местом и временем появления первого события»²⁴.

Научное объяснение рассматриваемого события включает в себя:

(1) множество утверждений, говорящих о появлении определенных событий в конкретном месте и определенный момент времени;

(2) множество универсальных гипотез, таких что:

(а) утверждения обоих множеств достаточно хорошо подтверждаются эмпирическими данными;

(б) из обоих множеств утверждений можно логически вывести предложение, утверждающее появление события *C*.

В объяснении множество (1) описывает исходные и пограничные условия для появления события, в то время как множество (2) содержит общие законы, на которых основывается объяснение. Согласно МОЗ, из некоторых исходных и пограничных условий (таких, например, как

²¹ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 72.

²² Kitcher P. Explanatory unification and the causal structure of the world [Electronic resource]. URL: http://mcps.umn.edu/philosophy/13_13Kitcher.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

²³ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 92.

²⁴ Там же. С. 16.

взрывное давление для материала радиатора и падение температуры в течение ночи) и некоторых физических законов (например, условия замерзания воды) с помощью логического рассуждения может быть выведена неизбежность появления трещины в автомобильном радиаторе. Утверждение об исходных и пограничных условиях составляет описание²⁵. Несмотря на то что Гемпеля часто рассматривали как одного из противников нарратива в истории, философ, как представляется, не отрицает возможность применения повествования, поскольку, во-первых, он обращается к языку, используемому для объяснений, то есть к структуре исторического объяснения. Во-вторых, он отмечает, что любое повествование должно соединять каждую связь в целостности, устанавливаемой МОЗ. Следовательно, можно говорить о том, что объяснение посредством МОЗ возможно преобразовать в нарратив.

Рассматривая функции общих законов в истории, философ отмечает широкое распространение мнения о том, что история, в отличие от естественных наук, занимается скорее описанием конкретных явлений прошлого, чем поиском общих законов, которые могут управлять этими событиями. Тем не менее общие законы имеют аналогичные функции в истории, будучи инструментом исторического исследования и общим основанием для различных процедур, специфичных для социальных наук²⁶.

Различия между естественно-научным и историческим объяснением состоит в том, что предметом объяснения в истории является описывающее событие предложение, содержащее некоторые характеристики. Вместе с тем и в естественной науке, и в истории ни одно из происходящих явлений не повторяется во всех своих деталях, то есть оно уникально²⁷. Кроме того, полное описание и объяснение недостижимо. Когда историки пытаются объяснить какие-то события, то, хотя они и не ссылаются прямо на законы, тем не менее предполагают их существование. Иногда универсальные гипотезы, лежащие в основе исторического объяснения, достаточно явно сформулированы, несмотря на то что большинство объяснений, предлагаемых в истории или социологии, не включают в себя утверждения об общих закономерностях по следующим причинам.

Во-первых, универсальные гипотезы нередко принадлежат к области социальной психологии, которая относится к повседневному опыту и является само собой разумеющейся. Во-вторых, «часто бывает очень

²⁵ Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2007. С. 219.

²⁶ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 16.

²⁷ Там же. С. 99.

трудно сформулировать лежащие в основе предположения явным образом с достаточной точностью и в то же время так, чтобы они согласовывались со всеми имеющимися соответствующими эмпирическими данными». Такие термины, как «следовательно», «поэтому», «таким образом», «потому что», «естественно», «очевидно», являются указателями скрытых предположений некоторых общих законов и используются для объединения исходных условий с объясняемым событием; «но утверждение о том, что последнее естественно ожидалось как следствие определенных условий, выводимо только в том случае, если предполагаются соответствующие общие законы»²⁸.

Еще одной процедурой исторического исследования, включающей допущение универсальных гипотез, можно считать интерпретацию исторических событий в терминах какого-либо подхода или теории. Интерпретации представляют собой или подведение изучаемых явлений под научное объяснение, или набросок объяснения, или же попытку подвести их под некоторую общую идею, недоступную эмпирической проверке²⁹.

Многие объяснения, предлагаемые в истории, содержат определенные исходные условия и вероятностные гипотезы. Специфической чертой истории является то, что в рассматриваемых «причинных» и «вероятностных» объяснениях используемые исходные условия и универсальные гипотезы не указываются ясно и не могут быть точно дополнены. Тем самым объяснение исторических событий представляет собой «нечто, что может быть названо наброском объяснения», поскольку не могут быть установлены четко определенные исходные условия. Набросок объяснения состоит из указания законов и исходных условий и должен быть дополнен для того, чтобы стать законченным объяснением. Подобное дополнение требует эмпирического исследования, для которого набросок указывает направление. Научно приемлемый набросок объяснения должен быть дополнен более конкретными утверждениями, которые могут подтвердить или опровергнуть его. Процесс дополнения заключается в постепенно расширяющемся уточнении используемых формулировок. При этом на любом этапе процесса формулировки должны обладать эмпирическим значением. Для проведения верификации исторического объяснения необходимо, во-первых, реконструировать рассуждение, представляющее объяснение или набросок объяснения, во-вторых, выявить лежащие в его основе объяснительные гипотезы и, в-третьих, оценить эмпирическую базу гипотез³⁰.

²⁸ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 22.

²⁹ Там же. С. 28.

³⁰ Там же. С. 24–25.

В статье «Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении» Гемпель разделяет объяснения на два рода: дедуктивно-номологические и индуктивно-вероятностные. Оба типа «объясняют некоторые особенные обстоятельства и общие законы путем демонстрации того, что, учитывая некоторые особенные обстоятельства и общие законы, совершения этого события можно было ожидать либо с индуктивной, либо с дедуктивной вероятностью»³¹. Индуктивно-вероятностная модель, как она представлена у Гемпеля, объясняет, почему можно было ожидать (или не ожидать) событий, которые уже произошли. И только во вторую очередь она объясняет, почему события произошли, поскольку они имели высокую вероятность³². Объектом индуктивно-вероятностного объяснения является индивидуальное событие E. Базис объяснения образует множество других событий или состояний, при этом роль охватывающего закона, «соединяющего или связывающего базис с объектом объяснения, выполняет вероятностная гипотеза». Гемпель подчеркивает, что индуктивно-вероятностное объяснение требует анализа познавательной ситуации³³.

Итак, дедуктивно-номологическая модель является значительным этапом в установлении основной области исследования аналитической философии истории. Гемпель, следуя за моделью причинного объяснения Поппера, конкретизирует ее. Структура объяснения посредством МОЗ представляет собой дедукцию объясняемого явления (экспланандума) из эксплананса (объясняющих суждений). Подобная модель применима как к естественно-научному, так и к социальному познанию.

Для того чтобы сконструировать объяснение, необходимо следовать трем условиям. Во-первых, множество событий могут выступать в качестве причины объясняемого события (первоначальных условий), только если общие законы определяются как соединяющие причины и следствия. Во-вторых, для объяснения необходимы высказывания (общие законы), подтверждаемые эмпирическими законами. В-третьих, использование универсальных эмпирических гипотез позволяет провести разграничение между истинными и ложными объяснениями и создает возможность для предсказаний. Событие не представляется случайным, а является ожидаемым вследствие предшествующих условий и последствий. Связь между законами и объяснениями рассматривается как отношения объяснения. Тем самым детерминизм представляется необходимым объяснением мира.

³¹ Гемпель К.Г. Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении. URL: <http://rus.history.knu.ua/wp-content/uploads/2015/10/hempel.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

³² Вригт Г.Ф. фон. Логико-философские исследования. М.: Прогресс, 1986. С. 52.

³³ Donagan A. Historical explanation: the Popper-Hempel theory reconsidered // History and Theory. 1964. Vol. 4. № 1. P. 7–9.

Семинар 1. Историзм и его критика К. Поппером

План проведения

1. Понятие историцизма и его особенности.
2. Постпозитивизм К. Поппера.
3. Критика историцизма К. Поппером.

Основные понятия темы: историцизм, постпозитивизм, философия истории, эссенциализм, холизм, законы, фаллибилизм, фальсификация, история.

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое принцип историцизма?
2. Приведите примеры историцистских воззрений.
3. Можно ли рассматривать фальсификацию в качестве критерия различения научного знания от ненаучного?
4. Что предполагает анализ исторического объяснения К. Поппера?
5. Какую роль в историческом объяснении играют универсальные законы?
6. Какие основные черты историцистских доктрин выделяет К. Поппер?
7. В чем заключается критика историцизма К. Поппером?

Темы докладов

1. Историцистские концепции в философии истории.
2. Историзм Г.В.Ф. Гегеля.
3. Историзм К. Маркса.
4. Антинатуралистические концепции историцизма.
5. Пронатуралистические концепции историцизма.
6. Попперианская критика антинатуралистических концепций.
7. Попперианская критика пронатуралистических концепций.
8. К. Поппер: открытое общество и его враги.

Семинар 2. Модель охватывающих законов К.Г. Гемпеля

План проведения

1. Философские воззрения К.Г. Гемпеля.
2. История и ее статус в философии К.Г. Гемпеля.
3. Дедуктивно-номологическая модель объяснения.

Основные понятия темы: неопозитивизм, философия истории, история, дедуктивно-номологическая модель, индуктивно-вероятностная модель, охватывающие законы.

Вопросы для самоконтроля

1. Из чего состоит объяснение в рамках воззрений К.Г. Гемпеля?
2. Что такое эксплананс и экспланандум?
3. Что представляет собой общий закон?
4. Существуют ли различия между естественно-научным и историческим объяснением?
5. Приведите примеры универсальных гипотез, которые могут быть положены в основу исторического объяснения.
6. Что представляет собой набросок объяснения?
7. Каковы основные черты индуктивно-вероятностной модели объяснения?

Темы докладов

1. Функции общих законов в истории.
2. Логика объяснения К.Г. Гемпеля.
3. К.Г. Гемпель: личность и творчество.
4. Индуктивно-вероятностная модель объяснения.

Работа с текстом

Функция общих законов в истории

1. Достаточно широко распространено мнение, что история, в отличие от так называемых физических наук, занимается скорее описанием конкретных явлений прошлого, чем поиском общих законов, которые могут управлять этими событиями. Вероятно, эту точку зрения нельзя отрицать в качестве характеристики того типа проблем, которым в основном интересуются некоторые историки. Но она, конечно, неприемлема в качестве утверждения о теоретической функции общих законов в научном историческом исследовании. ... Мы попытаемся обосновать эту точку зрения, подробно показав, что общие законы имеют

достаточно аналогичные функции в истории и в естественных науках, что они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования и что они даже составляют общее основание различных процедур, которые часто рассматриваются как специфические для социальных наук в отличие от естественных.

Под общим законом мы будем понимать утверждение универсальной условной формы, способное быть подтвержденным или опровергнутым с помощью соответствующих эмпирических данных. Термин «закон» предполагает, что данное утверждение действительно хорошо подтверждено имеющимися свидетельствами. Поскольку это уточнение во многих случаях несущественно для наших целей, мы будем часто использовать термин «гипотеза универсальной формы» или, коротко, «универсальная гипотеза» вместо термина «общий закон» и определять условие достаточного подтверждения отдельно, по мере необходимости. ... Можно допустить, что универсальная гипотеза утверждает регулярность следующего типа: в каждом случае, когда событие определенного вида P имеет место в определенном месте и в определенный момент времени, событие определенного вида C будет иметь место в том месте и в тот момент времени, которое определенным образом связано с местом и временем появления первого события. (Символы P и C выбраны потому, что они намекают на термины «причина» и «следствие», которые часто, хотя и не всегда, применяются к событиям, связанным законом вышеописанного типа).

2.1. Основной функцией общих законов в естественных науках является связь событий в структуры, обычно называемые *объяснением* и *предсказанием*.

Объяснение появления события определенного рода C в определенном месте и в определенный момент состоит, как это обычно представляется, в указании причин или детерминирующих факторов C . Так утверждение о том, что множество событий – скажем, вида P_1, P_2, \dots, P_n – является причиной объясняемого события, равнозначно утверждению, что согласно определенным общим законам множество событий упомянутого вида регулярно сопровождается событием вида C . Таким образом, научное объяснение рассматриваемого события состоит:

(1) из множества утверждений, говорящих о появлении определенных событий P_1, \dots, P_n в определенном месте и определенный момент времени;

(2) множества универсальных гипотез, таких что:

(а) утверждения обоих множеств достаточно хорошо подтверждаются эмпирическими данными;

(б) из обоих множеств утверждений можно логически вывести предложение, утверждающее появление события C .

В физическом объяснении множество (1) описывает исходные и пограничные условия для появления заключительного события; в целом мы должны сказать, что множество (1) утверждает *определяющие условия* для объясняемого события, в то время как множество (2) содержит общие законы, на которых основывается объяснение; из них следует утверждение, что всегда, когда события описанного в первом множестве вида имеют место, будет иметь место событие объясняемого вида...

2.2. Важно иметь в виду, что символы «С», «П», «П1», «П2» и т[ому] п[одобные], использованные выше, обозначают виды или свойства событий, а не то, что иногда называют индивидуальными событиями, поскольку объектом описания и объяснения каждой области эмпирической науки всегда является появление события определенного *вида* (такого как понижение температуры на 14 °F, затмение Луны, деление клетки, землетрясение, увеличение безработицы, политическое убийство) в данном месте и данный момент времени или в данном эмпирическом объекте (таком как радиатор конкретного автомобиля, планетарная система, конкретная историческая личность и т. п.) в определенный момент времени...

Но в этом плане нет различия между историей и естественными науками: и история, и естественные науки могут дать отчет о предметах своего изучения только в терминах общих понятий, и история может «схватить уникальную индивидуальность» объектов своего изучения не больше, чем физика или химия.

3. Нижеследующие рассуждения представляют собой более или менее прямой результат проделанного анализа научного объяснения и являются особенно важными для обсуждаемого здесь вопроса.

3.1. Можно сказать, что множество событий является причиной объясняемого события только в том случае, если можно указать общие законы, связывающие «причины» и «следствия» охарактеризованным выше способом...

3.3. Использование универсальных эмпирических гипотез в качестве объяснительных принципов отличает подлинное объяснение от псевдо-объяснения, такого как, скажем, попытка дать объяснение некоторых характеристик поведения живого организма с помощью ссылки на энтелехию, для функционирования которой нет законов, или объяснение достижений определенного человека посредством его «исторической миссии», «предопределенной судьбы» или сходных понятий. Объяснения подобного рода основываются скорее на метафорах, чем на законах, они выражают образные и эмоциональные впечатления вместо проникновения в фактуальные связи; они подставляют смутные аналогии и интуитивную «приемлемость» на место дедукции из проверяемых утверждений и являются, следовательно, неприемлемыми в качестве научных объяснений.

Любое объяснение научного характера можно подвергнуть объективным проверкам, которые включают в себя:

(а) эмпирическую проверку предложений, говорящих об определяющих условиях;

(б) эмпирическую проверку универсальных гипотез, на которых основывается объяснение;

(в) исследование того, является ли объяснение логически убедительным в том смысле, что предложение, описывающее объясняемое явление, следует из утверждений множеств (1) и (2)...

5.1. Предыдущие рассуждения применимы к объяснению как в истории, так и в любой другой области эмпирических наук. Историческое объяснение также имеет целью показать, что рассматриваемое событие было не просто «делом случая», но ожидалось в силу определенных предшествующих или одновременных условий. Ожидание, на которое ссылаются, не является пророчеством или божественным предсказанием; это рациональное научное предчувствие, основывающееся на предположении об общих законах...

5.2. В некоторых случаях универсальные гипотезы, лежащие в основе исторического объяснения, достаточно явно сформулированы, что иллюстрируется выделенными цитатами в следующей попытке объяснить тенденцию правительственных организаций увековечить самих себя и расшириться.

По мере расширения деятельности правительства все больше людей проявляет обоснованный интерес к продолжению и расширению функций правительства. *Люди, имеющие работу, не хотят ее потерять; те, кто обладает определенными трудовыми навыками, не хотели бы переквалифицироваться; те, кто привык к осуществлению каких-либо властных функций, не хотели бы потерять контроль, они хотели бы получить большую власть и соответственно больший престиж...* Так, однажды созданные правительственные офисы и бюро, в силу институализации, не только защищают себя от нападений, но и стремятся расширить сферу своей деятельности.

Однако большинству объяснений, предлагаемых в истории или социологии, не удастся включить явные утверждения о предполагаемых ими общих закономерностях. Думается, что для этого существует, по крайней мере, две причины.

Во-первых, рассматриваемые универсальные гипотезы часто относятся к индивидуальной или социальной психологии, которая, как отчасти предполагается, знакома каждому благодаря его ежедневному опыту, то есть косвенным образом они рассматриваются как само собой разумеющиеся.

Во-вторых, часто бывает очень трудно сформулировать лежащие в основе предположения явным образом с достаточной точностью и в то же время так, чтобы они согласовывались со всеми имеющимися соответствующими эмпирическими данными. Было бы поучительным, исследуя адекватность какого-либо предлагаемого объяснения, попытаться реконструировать лежащие в его основе универсальные гипотезы. В частности, такие термины, как «следовательно», «поэтому», «таким образом», «потому что», «естественно», «очевидно» и т[ому] п[одобные], часто являются указателями скрытых предположений некоторых общих законов: они используются для связи исходных условий с объясняемым событием; но утверждение о том, что последнее «естественно» ожидалось как «следствие» определенных условий, выводимо только в том случае, если предполагаются соответствующие общие законы...

5.3. Можно было бы сказать, что явления, подпадающие под только что описанный тип объяснения, носят статистический характер и что, следовательно, в основе объяснений должны лежать только вероятностные гипотезы, поэтому вопрос о «лежащих в основе общих законах» основан на ложной предпосылке. Действительно, представляется возможным и оправданным рассматривать некоторые объяснения, предлагаемые в истории, как основанные на предположении скорее вероятностных гипотез, чем на общих «детерминистических» законах, то есть законах в форме универсальных условий.

Это утверждение можно распространить также и на многие объяснения, предлагаемые в различных областях эмпирических наук. Так, например, если Томми заболел корью на две недели позже своего брата и если он за это время не контактировал с другими людьми, болеющими корью, то мы можем принять объяснение, что он заразился от своего брата. В основе этого объяснения лежит общая гипотеза; однако трудно назвать общим законом утверждение, что любой человек, не болевший корью, заразится ею, если будет находиться в компании кого-либо, болеющего корью; то, что он может заразиться, можно утверждать только с высокой вероятностью.

Думается, что многие объяснения, предлагаемые в истории, подпадают под такого рода анализ: полностью и явным образом сформулированные, они утверждают определенные исходные условия и некоторые вероятностные гипотезы, такие что появление объясняемого события становится высоко вероятным при исходных условиях в свете вероятностных гипотез. Независимо от того, рассматриваются ли объяснения в истории как «причинные» или «вероятностные» по своему

характеру, остается истинным, что в общем используемые исходные условия и универсальные гипотезы не указаны ясно и не могут быть точно дополнены. (В случае вероятностных гипотез, например, значения вероятности в лучшем случае будут известны весьма приблизительно.)

5.4. Таким образом, объяснительный анализ исторических событий в большинстве случаев предлагает не объяснение в одном из вышеуказанных смыслов, а нечто, что может быть названо *наброском объяснения*. Этот набросок состоит из более или менее смутного указания законов и исходных условий, рассматриваемых как важные, и должен быть «дополнен» для того, чтобы стать законченным объяснением. Это дополнение требует дальнейшего эмпирического исследования, для которого набросок указывает направление. (Наброски объяснения широко используются также вне истории; многие объяснения в психоанализе, например, иллюстрируют это утверждение.)

Очевидно, что набросок объяснения не поддается эмпирической проверке в той же мере, что и полное объяснение; и к тому же существует различие между научно приемлемым наброском объяснения и псевдо-объяснением (или наброском псевдо-объяснения). Научно приемлемый набросок объяснения должен быть дополнен более конкретными утверждениями; но он указывает направление, в котором эти утверждения должны быть найдены; и конкретные исследования могут подтвердить или опровергнуть эти указания; то есть можно показать, что предполагаемый тип исходных условий действительно важен или что для того, чтобы получить удовлетворительное объяснение, в расчет должны быть приняты факторы иной природы...

5.5. Пытаясь оценить правильность данного объяснения, нужно сначала попытаться реконструировать так полно, насколько это возможно, рассуждение, представляющее объяснение или набросок объяснения. Особенно важно осознать, каковы лежащие в его основе объяснительные гипотезы, и оценить их область и эмпирическую базу. Воскрешение допущений, похороненных под надгробными плитами «следовательно», «потому что», «поэтому» и т[ому] п[одобными], часто показывает, что предлагаемые объяснения слабо обоснованы или вовсе неприемлемы. Во многих случаях эта процедура выявляет ошибку утверждения, что объяснено большое количество деталей события, в то время как, даже в весьма свободной интерпретации, ему была дана только некоторая общая характеристика...

6. Мы попытались показать, что в истории в меньшей степени, чем в любой другой области эмпирического исследования, научное объяснение

может быть получено только с помощью соответствующих общих гипотез или теорий, представляющих собой совокупности систематически связанных гипотез. Этот тезис очевидным образом контрастирует с известной точкой зрения, что настоящее объяснение в истории достигается с помощью метода, специфически отличающего социальные науки от естественных, а именно *метода эмпатического понимания*. Историк, как говорят, представляет себя на месте людей, включенных в события, которые он хочет объяснить; он пытается как можно более полно осознать обстоятельства, в которых они действовали, и мотивы, руководившие их действиями; и с помощью воображаемого самоотождествления с его героями он приходит к пониманию, а следовательно, и к адекватному объяснению интересующих его событий...

7.1. До сих пор мы обсуждали важность общих законов для объяснения и предсказания и для так называемого понимания в истории. Теперь кратко рассмотрим некоторые другие процедуры исторического исследования, включающие допущение универсальных гипотез.

Тесно связана с объяснением и пониманием процедура так называемой *интерпретации исторических событий* в терминах какого-то определенного подхода или теории. Интерпретации, реально предлагаемые в истории, представляют собой или подведение изучаемых явлений под научное объяснение или набросок объяснения, или попытку подвести их под некоторую общую идею, недоступную эмпирической проверке. Ясно, что в первом случае интерпретация является объяснением посредством универсальных гипотез; во втором случае она является псевдо-объяснением, обращенным к эмоциям и вызывающим живые зрительные ассоциации, но не углубляющим наше теоретическое понимание рассматриваемого события...

7.4. Сходным образом, использование понятий «детерминация» и «зависимость» в эмпирических науках, в том числе и в истории, включает ссылку на общие законы. Так, например, мы можем сказать, что давление газа зависит от его температуры и объема, или что, согласно закону Бойля, температура и объем определяют давление. Но несмотря на то, что лежащие в основе законы четко сформулированы, утверждение отношения зависимости или детерминации между определенными величинами или характеристиками в лучшем случае говорит о том, что они связаны некоторым неопределенным эмпирическим законом. Это на самом деле очень скудное утверждение: если, например, мы знаем только, что существует эмпирический закон, связывающий две метрические величины (такие как длина и температура металлического бруска), мы не можем быть уверены даже в том, что изменение одной из

двух величин будет сопровождаться изменением другой (поскольку закон

может связывать одно и то же значение «зависимой» или «детерминированной» величины с различными величинами другой); мы можем лишь сказать, что с любым определенным значением одной из переменных всегда будет связано одно и то же значение другой. Это, конечно, гораздо меньше того, что имеет в виду большинство авторов, рассуждающих о детерминации или зависимости в историческом анализе...

8. Размышления, представленные в настоящей статье, не имеют никакого отношения к проблеме «специфических законов истории»: они не предполагают ни конкретного способа отличия законов истории от социологических и других законов, не влекут и не отрицают допущения, что могут быть найдены эмпирические законы, являющиеся в определенном смысле историческими и хорошо подтвержденные эмпирическими данными.

Но было бы лучше упомянуть здесь, что те универсальные гипотезы, на которые явно или неявно ссылаются историки при выработке объяснений, предсказаний, интерпретаций, оценок значимости и т[ому] п[одобного], взяты из *различных* областей научного исследования, поскольку они не являются донаучными обобщениями повседневного опыта. Многие из универсальных гипотез, лежащие в основе исторического объяснения, например, могут в целом быть классифицированы как психологические, экономические, социологические и, может быть, частично как исторические законы. Кроме того, историческое исследование часто использует общие законы, установленные в физике, химии и биологии...

Замечания, высказанные в этом разделе, представляют собой конкретные иллюстрации двух важных принципов теории науки: во-первых, неоправданность разграничения в эмпирической науке «чистого описания» и «гипотетического обобщения и построения теории»; они нераздельно связаны в процессе построения научного знания. Во-вторых, точно так же неоправданна попытка установления четких границ между различными областями научного исследования и автономного развития каждой из областей. Необходимость в историческом исследовании широкого использования универсальных гипотез, подавляющее большинство которых принадлежит областям исследования, традиционно отличающимся от истории, представляет собой только один из аспектов того, что можно назвать методологическим единством эмпирической науки³⁴.

ГЛАВА 2

³⁴ Гемпель К.Г. Логика объяснения. С. 16–31.

А. ДАНТО: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Одним из основополагающих философов аналитической традиции является Артур Данто. Впервые проблема нарратива в философии Данто была обозначена в 1962 году в рамках статьи «Нарративные высказывания». В 1965 году вышла «Аналитическая философия истории», предметом рассмотрения которой стал нарратив. Работа была обусловлена не только постепенным отходом от логического эмпиризма, но и интересом мыслителя к историческому объяснению, как оно представлено в работах Т. Куна и Н.Р. Хансона. А. Данто отмечал, что его главная цель в «Аналитической философии истории» состояла в преодолении определенного скептицизма в отношении возможности знания³⁵. Вместе с тем он продемонстрировал, что нарративные объяснения могут быть смоделированы на основе МОЗ. «Аналитическая философия истории» была воспринята не только представителями логического эмпиризма, но и континентальными философами. Так, Данто воспринимал как комплимент утверждение Ю. Хабермаса, что «данная книга доводит аналитическую философию до точки, в которой она превращается в герменевтику»³⁶.

Данто применил методологию аналитической философии истории к исторической практике и предложил теорию исторического понимания, выделяя причинность как центральную проблему объяснения. Он предлагал следующее решение проблемы определения научного статуса истории. Во-первых, история разделяет с эмпирической наукой цель достижения существенной истины, однако, в отличие от естественных наук, обладает специальными условиями для создания новых значительных вопросов. Во-вторых, историю отличает достаточно специфический предмет исследования – прошлое, свидетельства о котором не могут быть верифицируемы. В-третьих, цель истории состоит в том, чтобы рассказать прошлое, при этом количество описаний и возможных интерпретаций неограниченно³⁷. Следовательно, история является автономной дисциплиной, но относится к гуманитарным дисциплинам, поскольку связана с человеком и человеческими интерпретациями прошлой реальности.

³⁵ Response Danto on Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 191.

³⁶ Kitcher P., Immerwahr D. History and the sciences // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 228.

³⁷ Response Danto on Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence. P. 191.

Данто констатировал возможность истинных высказываний о прошлом и обращался к центральной проблеме «Аналитической философии истории» – нарративным высказываниям. Рассуждая в духе нарративного реализма, философ полагал, что в истории существует объективная организация событий, то есть реалии, с которыми корреспондируют нарративы³⁸. Нарративные высказывания принадлежат повествованиям, которые могут рассказать только историки, поскольку их структура предусматривает обращение к будущему, недоступному современникам событий. Подобные высказывания относятся, по крайней мере, к двум разделенным во времени событиям и описывают раннее событие в свете более позднего. Чаще всего они употребляются в прошедшем времени. Нарративная структура – это один из базовых путей репрезентации мира посредством языка, следовательно, и образ человеческой жизни также является нарративным.

Нарративный дискурс существенно неполон, поскольку полное описание прошлого предполагает полное описание будущего, которое недостижимо³⁹. Проблема значения некоего события может быть рассмотрена только в контексте завершённого рассказа. Одно и то же событие будет приобретать различные значения в соответствии с разными множествами более поздних событий, с которыми оно связывается. Включение событий в повествование подразумевает наличие критериев значимости. Общая особенность исторического упорядочивания событий заключается в том, что их значение постоянно переоценивается в свете более поздней информации. Историческое значение приписывается посредством нарративных предложений, истинность или ложность которых зависит от момента их произнесения⁴⁰. Цель историка состоит не в создании совершенно полного описания, а в том, чтобы предложить понимание произошедшего, не упустив важных деталей: повествование – «структура, накладываемая на события, которые одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения»⁴¹. Следовательно, создание нарратива – это организация процесса познания, в рамках которого формируется мнение относительно реальности, образ которой создается в ходе его прочтения.

Данто утверждает, что полное описание события E («множество предложений, которые излагают абсолютно все, что происходило во время события E») невозможно, и доказывает эту мысль способом от противного. Философ вводит фигуру идеального хрониста, фиксирующего любое

³⁸ Артур Данто // Философия истории после постмодернизма / под ред. Э. Доманска. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. С. 253–254.

³⁹ Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 25.

⁴⁰ Там же. С. 190–191.

⁴¹ Там же. С. 129.

событие, даже если оно совершилось в сознании людей, при этом созданное им описание является полным. «Идеальная хроника, таким образом, должна быть окончательной»⁴². Прошлое само по себе и его идеальный хронист неразличимы, поскольку гипотетически прошлое не содержит ничего того, чего нет в идеальной хронике. Последняя является репрезентацией, неотличимой от прошлой реальности, которую она репрезентирует⁴³.

Философ убежден в неполноте идеальной хроники, что противоречит ее изначальной характеристике. Неполнота обусловлена наличием класса описаний, которые не могут быть результатом наблюдения, а также незнанием будущего, без чего невозможно полное повествование. Например, предложение «Тридцатилетняя война началась в 1618 году» включает в себя информацию о времени начала и окончания войны, но в нем содержится указание только на дату начала войны. Принимая во внимание то обстоятельство, что эта война была названа так по причине ее длительности, никто не мог охарактеризовать ее в 1618 году или в любое другое время до 1648 года как тридцатилетнюю. Даже если бы кто-то предсказал подобный ход событий, это было бы утверждение о будущем, что недопустимо для условий создания идеальной хроники⁴⁴.

Далее Данто обращается к проблеме так называемых глаголов проектов и возможности их применения в идеальной хронике. Данные глаголы могут быть использованы для описания действия людей, рассматривая их как неопределенное будущее. Например, если *A* совершает действие *B* в момент времени *t1* и данное действие возможно описать при помощи соответствующего глагола проекта «*A* делает *R*», то действие описывается в свете некоторого будущего события, а именно достижения *R*. Однако это будущее еще не определено, то есть результат его неизвестен⁴⁵. Когда более раннее событие описывается в свете более позднего, истинность первого не предполагает, что позднее событие произойдет. Тем самым обусловлена асимметрия между описанием того, что человек делает сейчас, и какими могут либо не могут быть результаты его деятельности⁴⁶.

Использование нарративных высказываний и глаголов-проектов объединяет темпорально отделенные события, тем самым язык поглощает

⁴² Данто А. Аналитическая философия истории. С. 144.

⁴³ Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N. Y.: Columbia University Press, 2007. P. 297–298.

⁴⁴ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 147–148.

⁴⁵ Там же. С. 156–157.

⁴⁶ Ankersmit F.R. Meaning, Truth and reference in historical representation. Ithaca; N. Y.: Cornell University Press, 2012. P. 41.

временную дистанцию⁴⁷, что выступает условием возможности исторического понимания. Как отмечает Рикер, глаголы-проекты позволяют отличить собственно нарративное описание от обычного описания действия. Таким образом, нарративное предложение не просто ссылается на два разделенных во времени события и описывает более раннее из них через ссылку на более позднее. Помимо истинности этого высказывания, оно логически предполагает, что оба события действительно произошли⁴⁸.

В «Аналитической философии истории» Данто стремится продемонстрировать эквивалентность между гемпелианской и нарративной моделей объяснения⁴⁹. По словам Хабермаса, Данто противопоставляет форму нарративного объяснения дедуктивно-номологической модели⁵⁰, однако философ стремится продемонстрировать равнозначность между объяснением, сконструированным Гемпелем, и нарративом, тем самым реабилитируя МОЗ и выступая против утверждения, что нарративные модели составляют альтернативу гемпелианской концепции⁵¹. Теорию Гемпеля Данто считает истинной. «Она просто перестала быть релевантной... была смещена определенным набором вопросов, миром в сущности, которому она больше не соответствовала»⁵².

По мнению Данто, объяснение какого-либо явления всегда относительно, поскольку оно связано с определенным описанием данного явления. Когда мы объясняем явление *E*, представленное описанием *D1*, всегда можно найти другое описание *D2* этого явления, при котором первоначальное объяснение уже не может использоваться. Неисчислимо множество возможных описаний некоторого явления влечет за собой бесконечное количество объяснений этого явления. При этом объяснение возможно переписать таким образом, чтобы оно включало в себя общий закон⁵³. Вместе с тем мыслитель не признает исторические законы настолько специфичными, чтобы говорить о некоторой определенности в формулировании предсказаний. В противоположность знанию прошлого знание будущего должно оставаться абстрактным.

Данто рассматривает нарративы как объяснения, оперирующие причинностью. Экспланандум тем самым описывает не просто то, что

⁴⁷ Ankersmit F.R. Meaning, Truth and reference in historical representation. P. 43.

⁴⁸ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 160.

⁴⁹ Артур Данто // Философия истории после постмодернизма. С. 252–253.

⁵⁰ Habermas U. The dualism of the natural and cultural sciences // Sociology and history: the contemporary discussion. Cambridge: The MIT Press, 1988. P. 33.

⁵¹ Danto A.C. The decline and fall of the analytical philosophy of history // The new philosophy of history / edited by F.R. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 71.

⁵² Там же. P. 85.

⁵³ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 208.

произошло (событие), а изменение, при этом и начало, и конец являются частями экспланандума. Поскольку структура повествования представлена началом, серединой и концом, «объяснение состоит в заполнении “середины” между крайними временными точками происшедшего изменения»⁵⁴.

Данто предлагает следующую модель структуры нарративного объяснения:

- (1) x есть F в момент времени t_1 ;
- (2) H происходит с x в момент времени t_2 ;
- (3) x есть G в момент времени t_3 .

Логика нарратива идентична логике любого причинного объяснения и также тесно соотносится с дедуктивным аргументом. (1) и (3) образуют экспланандум, (2) – эксплананс. Предоставить (2) – значит объяснить (1)–(3). Историческое объяснение принимает форму повествования, поскольку (1), (2) и (3) имеют структуру рассказа. Экспланандум в историческом объяснении должен быть описанием изменения (или предполагать описание изменения), и это следует из того факта, что в ходе объяснения осуществляется поиск и обнаружение причины. «Таким образом, если мы ищем причину, когда пытаемся объяснить, почему что-то находится в том или ином состоянии, отсюда следует, что экспланандум, хотя бы в неявном виде, является описанием изменения»⁵⁵.

Восприятие нарратива А. Данто подразумевает определенные эпистемологические смыслы. Во-первых, нарратив представляется сконструированным из различных элементов прошлой реальности, являясь способом организации восприятия и попыткой понимания прошлого. Во-вторых, смысл событий, объединенных в нарратив, может быть понятен историкам, но не современникам событий, поскольку историк рассматривает прошлое с определенной временной перспективы. В-третьих, существует дистанция между создателем нарратива и объектом исследования, при этом отображаемый мир существует как в прошлой реальности, так и в сознании историка. В-четвертых, объяснения, включающие в себя аргументацию и обоснование, предполагают эпистемологию. В-пятых, поиск причин произошедшего осуществляется в соответствии с мировоззренческими установками автора и тем самым связывается с процессами обработки информации сознанием историка.

⁵⁴ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 221.

⁵⁵ Там же. С. 232.

Обсуждение Данто роли и смысла нарративных высказываний является одной из наиболее плодотворных и оригинальных теоретических идей, поскольку в ее границах обосновывается возможность применения нарратива как формы объяснения. Событие H (то, что происходит с x и является причиной изменения x) должно выбираться с учетом некоторого общего понятия, представленного, возможно, в виде общего закона. H должно быть событием, которое может произвести изменение от F к G в субъекте x . Можно сказать, что нарративы – это не столько наброски объяснения, отмечающие место, где нужно вставить законы. Они могут быть рассмотрены как результат «добавления в наброски объяснения общих законов, отмечающих место, где нужно вставить описание события»⁵⁶. Другими словами, когда известно, к какому закону необходимо прибегнуть, но неизвестно, что в точности произошло, повествование является описанием, в котором общее знание о том, какого рода событие должно было произойти, заменяется конкретным знанием о том, какое именно событие произошло.

Объяснение можно получить только в ходе исторического исследования, направляемого имеющимся наброском повествования (то есть тогда, когда общее описание будет заменено конкретным). Не всегда возможно определить, какой именно общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования. Общие законы являются, скорее, обобщениями, создававшимися поколениями.

Анализируя причинность, Данто основывается на концепции Д. Юма, отмечая существование «социальной наследственности», когда «большая часть используемых нами обобщений создавалась поколениями и встраивалась в понятия, которые большинство применяет для организации опыта и объяснения происходящего»⁵⁷. Во-первых, для создания объяснения необходимо найти верное общее описание события, рассмотрев его в определенной причинной перспективе. В случае успеха подобрать подходящий закон будет несложно, причем это будет осуществлено автоматически, поскольку известны причины, которые должны повлечь за собой данное изменение. История, по мнению Данто, на протяжении веков демонстрирует бесконечное многообразие различных действий, которые допускают общее описание и подводятся под общие принципы, которые используются в повседневной жизни и оказываются трюизмам. Во-вторых, каузальные объяснения в истории должны восприниматься как нестрогие. Причинная необходимость заключена не в самих событиях, но привносится в соединения событий, которые

⁵⁶ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 225.

⁵⁷ Там же. С. 229.

называются причиной и следствием, и в этом смысле является привычкой ума. Объяснение события предполагает указание на то, что стало его началом, поскольку объяснение сообщает, какое именно изменение произошло. При этом историческое объяснение, согласно которому нахождение x в состоянии G является следствием некоторого происшествия y , всегда можно опровергнуть, продемонстрировав, что x был G до того, как произошло y . В свою очередь, начало, как оно указывается в экспланандуме, представляет собой состояние x до того, как x перешло в его нынешнее состояние⁵⁸.

В «Преобразовании обыденного» Данто поднимает проблему репрезентации, в том числе и исторической, рассматривая язык как находящийся во внешних отношениях с реальностью в ее целостности. Иными словами, существует, с одной стороны, мир, а с другой – язык, используемый для говорения о нем. Философ являлся сторонником субституциональной теории репрезентации. Подобная репрезентация отсылает к онтологическим и эпистемологическим сферам отображаемого. Репрезентации состоят в семантических связях с тем, что они репрезентируют, вместо того чтобы быть идентичными с ним⁵⁹.

Мир представляет собой стратифицированную систему репрезентаций, и проблема истории состоит в том, что определенные репрезентации не могут быть созданы в определенное время (и хотя они могут быть образованы в другое время, они, возможно, не всегда могут быть реализованы в нем)⁶⁰. Способы репрезентации мира входят в объяснение действий, так как люди будут действовать по-разному в условиях, которые отличаются постольку, поскольку различаются их репрезентации⁶¹. На убеждения историка неизбежно влияют его язык и концепция прошлого. Историк рассуждает о событии, основываясь на собственных эстетических и этических установках, тем самым подвергая события определенной ценностной оценке. Репрезентации создаются с точки зрения историка, устанавливающего связь между историческими фактами и настоящим. Следует отметить, что и дескрипции носят исторически обусловленный характер. Человек, по сути, «совершенно и безоговорочно» является историческим существом. То же относится к различным представлениям и законам.

Язык репрезентации отличает интенциональный контекст, обладает следующей особенностью: слова, используемые в такого рода

⁵⁸ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 230–234.

⁵⁹ Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence. P. 293.

⁶⁰ Danto A.C. The decline and fall of the analytical philosophy of history // The new philosophy of history. P. 76.

⁶¹ Danto A.C. Analytic philosophy of action. Cambridge: Cambridge university press, 1973. P. 189.

высказываниях, не соотносятся с тем, с чем они обычно связываются в неинтенциональном дискурсе. Они, скорее, соотносятся с формой, в которой явления репрезентируются, и включают в условия их истинности некоторые отсылки к репрезентации. Таким образом, «когда мы говорим, что М верит, что Фреге является великим философом, это не аналогично тому, что М полагает, что автор “Begriffsschrift” является великим философом, хотя автором этого произведения является Фреге. Это не так, потому что человек может не знать, что Фреге написал эту книгу, хотя он может знать эту вещь и быть убежденным, что ее автор является великим философом»⁶². Истинность высказываний в интенциональном контексте определяется не только тем, что они говорят о мире, но и тем, как они сформулированы.

Итак, Данто предлагает аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследуются логический статус исторических высказываний, темпоральные индикаторы в языке, нарративные предложения и нарративы, составленные из них. Ключевым концептом философии истории Данто являются нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Нарратив также отличается неполнотой, поскольку полное описание прошлого возможно только при полном описании будущего, что недостижимо. Данто сохраняет идею объяснения в истории через использование общих законов, стремясь ее преобразовать для возможного применения в истолковании событий прошлого. Он переносит функцию объяснения с общих законов на нарративы, которые при этом могут быть использованы для объяснения произошедшего. Данто полагает, что история может быть написана только с ретроспективной позиции в свете последующих событий, то есть выбор начала нарратива определяется прошлым. Нарратив сам по себе не верифицируем, поскольку он представляет собой продукт сознания историка. Основными критериями его оценки служат внутренняя согласованность и связность доказательств. Нарративные высказывания являются центральными для способа описания мира, будучи историческими и предполагающими исторический образ мышления. Хотя нарратив отчасти подразумевает эстетические импликации, так как в нем события ассоциированы в некоторые целостности, повествование, как оно представлено у Данто, связывается с процессом познания, методами получения знания и организацией такового в соответствии с определенными моделями и установками.

Семинар 3. История и нарратив в философии А. Данто

⁶² Danto A.C. Transfiguration of the Commonplace. Cambridge: Harvard university press, 1981. P. 181–182.

План проведения

1. Аналитическая философия А. Данто.
2. История и ее статус.
3. Проблема нарратива.

Основные понятия темы: история, нарратив, философия истории, аналитическая философия истории, интенциональный контекст, идеальная хроника, причинное объяснение.

Вопросы для самоконтроля

1. Кто из теоретиков западной мысли способствовал становлению философско-исторических взглядов А. Данто?
2. В чем А. Данто видит различия во взглядах сторонников субстанциальной и аналитической философии истории?
3. Существует ли сходство в понимании задач философии истории А. Данто и К. Поппером?
4. Как А. Данто трактует особенности исторических предложений?
5. Как А. Данто понимает историю и хронику?
6. Возможна ли, по А. Данто, идеальная хроника?
7. В чем, на ваш взгляд, основные достоинства воззрений А. Данто на природу исторического знания?

Темы докладов

1. Философские воззрения А. Данто.
2. Философия А. Данто: нарративные предложения.
3. Историческое объяснение: роль повествования.
4. Идеальная хроника в философии А. Данто.
5. Субстантивная и аналитическая философия истории в интерпретации А. Данто.

Работа с текстом

Минимальная характеристика истории

... Субстантивная философия истории и история как таковая относятся к разным жанрам и что ... первая совершает незаконные, с моей точки зрения, экстраполяции в будущее, обладающие той же самой структурой, с помощью которой историки организуют события прошлого. Вследствие структурного сходства между обычным историческим описанием и философией истории и опять-таки благодаря тому, что одно и то же понятие исторического значения обуславливает свойственные им

описания, а именно нарративные описания, можно было бы предположить, что эти два вида деятельности в общем и целом похожи, отличаясь лишь размахом. Обычный исторический подход охватывает лишь часть того, что пытается охватить философия истории, а именно историю в целом. Конечно, в рамках самой истории имеются разные по широте описания. История террора 1793 г[ода] охватывает более узкую область, чем история Французской революции, а история последней – уже, чем история Франции; в свою очередь, последняя более узка, чем история Европы, и т. д. Наиболее широким историческим описанием, как мне представляется, является описание всего прошлого. Но это описание нужно отличать от описания всей истории, что является предметом философии истории. Хотелось бы думать, что описание всего прошлого лишь практически невозможно, в то время как описание всей истории невозможно логически. Однако на самом деле это вовсе не так, и причину этого можно усмотреть в том, каким образом – в наиболее глубоком смысле – субстантивная философия истории «связана» с историей. В одной из последующих глав я буду пытаться обосновать мысль о том, что любое описание прошлого существенно неполно. Оно существенно неполно в том смысле, что попытка сделать его полным потребовала бы выполнения такого условия, которое не может быть выполнено. И моя основная идея будет заключаться в том, что полное описание прошлого предполагало бы полное описание будущего, поэтому нельзя получить полное историческое описание, не создав вместе с тем некую философию истории. Поэтому если невозможна правомерная философия истории, то не может существовать правомерного и полного исторического описания. Перефразируя знаменитый логический результат, можно кратко сказать: невозможно *непротиворечивое* и *полное* историческое описание. Иными словами, наше знание о прошлом ограничено нашим знанием (или незнанием) будущего. В этом заключается более глубокая связь между субстантивной философией истории и обычной историей. И это объясняет, почему нельзя обойтись без субстантивной философии истории при анализе понятия истории – даже той, которой занимаются обычные историки.

Возможно, небольшая иллюстрация прояснит то, что я имею в виду. Полное описание некоторого события должно было бы включить в себя каждое истинное историческое описание этого события. Рассмотрим рождение Дидро в 1715 г[оду]. Одним из истинных исторических описаний этого события будет то, что в 1715 г[оду] родился автор «Племянника Рамо». До того, как «Племянник Рамо» был написан, никто не мог дать такого описания, если только он не выдвигал определенного утверждения о будущем, то есть не высказывался пророчески. В течение соответствующего интервала времени такое историческое описание

должно было бы логически опираться на предложение, относящееся к *философии* истории. Но без такого описания у нас не было бы *полного* описания события, случившегося в 1715 г[оду]. Таким образом, мы не можем иметь полного исторического описания, не предполагающего некоторую философию истории. Это универсальный принцип. Всегда будут существовать описания событий 1715 г[ода], зависящие от описания тех событий, которые еще не произошли. Лишь после того как эти события произойдут, мы сможем дать их описания и получить полное описание первых событий. Но давать эти описания еще до того как произошли соответствующие события, значит заниматься философией истории. Таким образом, если философия истории невозможна, то так же невозможны и полные исторические описания, и, стало быть, исторические описания являются *существенно* неполными...

Пока я буду говорить только об обычной истории. Историки *как* историки не занимаются событиями *их* будущего, по крайней мере, не занимаются ими так, как они изучают события своего прошлого или в некоторых случаях события своего настоящего – те события, во время которых они живут. Событиями настоящего они могут интересоваться, например, в *таком* смысле: они наблюдают эти события в ожидании того дня, когда эти события станут прошлым и они напишут их историю. Так было с Фукидидом, деятельность которого особенно поучительна в настоящем контексте. Он начинает свою замечательную книгу следующим предложением: «Фукидид афинянин описал войну пелопонесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле».

Очевидно, он чувствовал важность событий, во время которых жил, и следил за происходящим, с тем чтобы впоследствии рассказать историю этих событий. Фукидид стремился быть как можно более точным в описании того, что действительно происходило, и эта точность, как он сам сообщает, требовала от него значительных усилий. Он сам был свидетелем многих событий, вошедших в его Историю, однако в отношении некоторых был вынужден опираться на показания других людей. Но последние не всегда согласовывались между собой, и для того чтобы установить, какое из двух противоположных описаний было правильным, он был вынужден прибегать «к самым строгим и тщательным проверкам». Именно эта тщательность обеспечила ему почетное имя отца научной истории. Однако он стремился не просто дать правильное описание

событий, хотя это и было необходимым условием достижения его дальнейших целей. Он хотел, чтобы его работа была *полезной*, и был убежден в том, что она будет полезна лишь в том случае, если будет истинна. Отсюда его усилия быть точным. Возможно, все историки хотят, чтобы их работы были полезными. Однако часто полезность их работ сводится лишь к тому, что это просто описания истории. Иначе говоря, их работы полезны для других историков, интересующихся соответствующими периодами или событиями, или для людей, стремящихся узнать о прошлом. Критерии полезности здесь остаются в рамках самой истории, но Фукидида интересовала полезность не в этом, связанном с историей смысле. При написании своей работы он преследовал как цели создания истории, так и иные цели, лежащие за пределами истории. Вот эту дополнительную пользу я и хочу кратко рассмотреть.

Его книга была обращена к людям, которые, по его словам, хотят «исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий», но «прошлое может когда-нибудь повториться...». Поэтому его «труд создан как достояние навеки». Эти несколько утверждений, казалось бы, ясно показывают, что Фукидид писал как – с моей точки зрения – должен писать философ истории: он писал о прошлом, но только или главным образом для того, чтобы дать ключ к пониманию будущего, ибо прошлое может «когда-нибудь повториться... в том же или сходном виде». Однако его ссылка на будущее, как мне представляется, *не* является той апелляцией к будущему, которая характерна для концепций философии истории, а утверждение о том, что прошлое может «когда-нибудь повториться... в том же или сходном виде», в действительности представляет собой лишь приблизительную формулировку того, что мы считаем Принципом индукции. Поэтому мысль Фукидида я реконструирую следующим образом. Сейчас, говорит он, идет война при таких-то и таких-то условиях. Условия, аналогичные данным, могут сложиться в будущем, как это уже бывало в прошлом, и тогда в будущем произойдут войны, аналогичные данной. Следовательно, если, по крайней мере, точно описать эти условия в настоящем случае, то когда в будущем мы обнаружим сходные условия, то можем ожидать наступления сходных событий. Вот так мы получаем ключ для понимания событий будущего, которые будут в достаточной мере похожи на Пелопонесскую войну.

Это утверждение можно интерпретировать совершенно тривиальным образом. Конечно, мы были бы способны предсказать последовательность событий в любой войне, которая в *достаточной мере* похожа на

Пелопонесскую войну, если у нас имеется точное описание самой Пелопонесской войны: тот, кто понимает x , поймет также каждую копию x , если это хорошая копия. Весь вопрос в том, *существуют* ли на самом деле войны, достаточно похожие на Пелопонесскую войну, и действительно ли будущие события будут похожи на события прошлого? И в определенном смысле можно сказать, что это не так. Мы знаем, например, довольно много войн, которые для нас находятся в прошлом, а для Фукидида – в будущем и которые настолько же сильно отличаются от Пелопонесской войны, как и похожи на нее. Ясно, что Фукидид ничего не мог знать относительно войн своего будущего. Однако у него должна была быть информация для сравнения, если понимать его буквально. В конце концов, война, столь превосходно им описанная, находилась в будущем по отношению ко многим войнам из *прошлого* Фукидида, и о некоторых из них он должен был знать. Если его война *в точности* похожа на эти другие войны, то мы должны отвергнуть многие элементы его описания. Например, он утверждает, что его война была «значительной». Однако он сообщает также: «На основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и во всем остальном». Действительно, если его утверждение о том, что *его* война «будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле», имело какие-то основания, то следует предполагать, что это были какие-то специфические особенности именно данной войны. Если будущее похоже на прошлое, то прошлое должно быть похоже на будущее (отношение сходства является симметричным). Поэтому очевидно, что Фукидид не имел права настаивать на беспрецедентности его войны и в то же время утверждать, что все будущие войны будут на нее похожи. Ясно, что все войны в каком-то смысле похожи одна на другую. Но тогда нам достаточно лишь заглянуть в словарь, чтобы установить, в чем состоят общие особенности событий, которые надлежит называть войнами. Нам не нужно изучать историю. Тогда какое право – в важном когнитивном смысле – имел Фукидид предполагать, что будущие войны будут похожи на его войну, если прошлые войны не были на нее похожи? У него не могло быть никаких свидетельств в пользу этого, ибо имевшиеся у него данные категорически свидетельствовали *против* предположения о том, что будущие войны будут похожи на его войну. Разве он не должен был предположить, что как все прошлые войны отличались от его войны, так и войны будущего будут от нее отличаться? Но если это единственный вывод, к которому он вправе был прийти на основании имеющихся у него

свидетельств, его намерение написать «полезную» историю было бы подорвано с самого начала. Или же ее польза заключалась бы совсем в ином, а именно в демонстрации того, что знание прошлого совершенно бесполезно для понимания будущего и тот, кто стремится постичь будущее, может не тратить время на изучение истории. Но если прошлое не дает ключей к пониманию будущего, то что же дает? Несомненно, что в каком-то смысле – о чем говорят наши индуктивные процедуры – оно дает ключ. Вопрос в том, имел ли здесь Фукидид право на индукцию?

Есть что-то в высшей степени искусственное в попытках применить логический анализ такого рода к высказываниям Фукидида. Он явно выразил желание написать полезную книгу и ясно высказал свои мысли о том, как она может быть использована. Более конгениальной реконструкцией его методологии могла бы быть следующая. Как и Платон в знаменитом разделе его «Республики», Фукидид мог бы воспользоваться приемом исследовать что-то через что-то другое, «написанное крупно». Идея заключалась в том, что если A является увеличенной проекцией B , то структурные особенности, общие A и B , легче изучать на A , чем на B . Предполагается, конечно, что A и B структурно подобны, но такого рода предположения лежат и в основе нашего использования микроскопа, даже если «невооруженным глазом» мы не способны сравнить увеличенный образ x с самим x . Поэтому Фукидид мог чувствовать, что изучаемая им война была столь значительной, что ее можно было рассматривать как увеличенный образец вообще всякой войны и, изучая ее, он мог обнаружить такие структурные свойства, которые нелегко было разглядеть в более мелких примерах. В конечном счете он настаивает на том, что именно размеры этой войны сделали ее «наиболее достопримечательной» по сравнению с другими войнами. В таком случае его выбор может быть оправдан точно так же, как выбор наиболее ясного примера из некоторой совокупности, другие члены которой проявляют изучаемые свойства менее ярко, чем избранный пример. Его повествование должно было выявить особенности типичных человеческих реакций на типичные ситуации, которые, как он считает, повторяются вновь и вновь. Именно за это ценили его работу и считали ее, как он и хотел, «достоянием навеки», ибо она есть нечто большее, чем простое описание того, что происходило между Афинами и Спартой в далеком прошлом.

Тогда мы можем сказать, что его утверждение о том, что будущее должно быть похоже на прошлое и что посредством тщательного описания одного из ярких примеров войны он дал средство для понимания будущих войн, *по сути дела* не было привязано к определенному времени. Говоря о будущем, он в общем-то не подразумевал время. Он имел такое же право

сказать, что дал ключ для понимания всех войн прошлого. Возможно, однако, что он не считал это ценным достижением. Будучи человеком практичным, Фукидид, несомненно, чувствовал, что для прошлого уже ничто не может быть полезным (как заметил Ричард Тейлор, в отношении прошлого мы все фаталисты). Только с будущим мы можем что-то сделать, и только в отношении будущего его работа могла бы принести какую-то пользу. Однако это несущественно для логики его рассуждений, представленной в нашей интерпретации. Фактически он совершил переход от отдельного образца (пусть «хорошего» образца) к совокупности: от происходящей войны – ко всем войнам, прошлым и будущим. Но выражение «прошлые и будущие» ничего не добавляет к выражению «все войны». Поэтому утверждение Фукидида о будущем носит такой же характер, как и утверждение любого из нас, опирающееся на обычную индукцию. Однако это утверждение нельзя считать утверждением о будущем в большей мере, чем о прошлом. Это утверждение о совокупности, и оно не зависит от информации о положении членов совокупности во времени – ни по отношению друг к другу, ни по отношению к человеку, осуществляющему индукцию. Верно, конечно, что иногда наши философские сомнения относительно индукции выражаются в вопросе: «Будет ли будущее похоже на прошлое?» Однако в действительности индукция симметрична относительно времени, направление времени в ней не учитывается. Мы легко могли бы перефразировать этот вопрос следующим образом: «Будет ли *прошлое* похоже на прошлое?» Иначе говоря, будет ли прошлое, предшествующее периоду, из которого взяты наши образцы, «похоже» на более позднее прошлое? Все проблемы, связанные с будущими примерами той совокупности, из которой мы выбрали свой пример, возникают и в связи с предшествующими примерами. Например, у нас не больше оснований предполагать, что впоследствии появятся такие же примеры, как и предполагать, что такие примеры *уже были*. И существует как возможность того, что избранный нами пример является *последним*, так и возможность того, что он был *первым*. Юм однажды заметил, что существует логическая возможность того, что однажды весь наш мир изменится таким образом, что ни один из наших общих законов не будет действовать. Однако мы можем допустить, что такое уже случилось, и мир изменялся так, как он мог измениться по предположению Юма. Очевидно, у меня нет индуктивных оснований для исключения ни той, ни другой возможности. Отсутствие таких оснований и призвана подчеркнуть та возможность, о которой говорит Юм. Или, наоборот, у меня есть только индуктивные основания для исключения обеих возможностей, ибо каждая из них является логически последовательной, а индуктивные основания

здесь недостаточны. Предполагать их достаточность значит уходить от вопроса.

Даже не говоря обо всех этих симметриях, мы можем заключить, что индуктивные процессы как выводы от известных к неизвестным примерам инвариантны относительно как прошлого, так и будущего. Тогда неявно предполагаемые в произведениях Фукидида идеи относительно того, что человеческие мотивы всегда и везде остаются одинаковыми и что люди предсказуемыми стандартными способами реагируют на стандартные ситуации, не зависят от времени. Следовательно, его утверждения о будущем по своему виду не отличаются от его утверждений о настоящем и прошлом. Сейчас я не касаюсь, конечно, вопроса о том, верны или ошибочны были его конкретные выводы, я подчеркиваю лишь их независимость от времени. Фукидид не вторгается в охарактеризованную мною философию истории...

Успешность изложения Фукидида, по-видимому (по крайней мере с его собственной точки зрения), был обусловлен тщательностью его описания того, что на самом деле произошло. Поэтому о Фукидиде мы по крайней мере можем сказать, что он стремился дать истинное описание событий *своего* прошлого, некоторые из которых он наблюдал сам, а некоторые наблюдали его современники, сообщения которых он тщательно проверял...

Я буду использовать прием Фукидида, состоящий в том, чтобы от хорошо подобранного примера переходить к общему утверждению относительно целого класса, избрав *его* самого в качестве хорошего образца, представляющего класс историков. Я могу сказать, что минимальная задача историка состоит в том, чтобы дать истинное описание событий *своего* прошлого. Я считаю это минимальной характеристикой деятельности историка, необходимым условием приписывания какому-то индивиду предиката «быть историком». Я не утверждаю, что это достаточное условие, ибо, как мы уже видели, такая характеристика входит также и в наш критерий приписывания индивиду предиката «быть философом истории». Быть может, мы сможем уточнить этот критерий, дабы провести различие между историками и философами истории, указав, что в отличие от философов истории, историки пытаются давать истинные описания событий своего прошлого, которые логически *не* предполагают истинных и зависящих от времени описаний событий *их* будущего.

Я не утверждаю, что историк занимается только этим. Однако я буду настаивать на том, что *какую бы еще* деятельность ни приписывали историкам, их успех в создании таких описаний является необходимой предпосылкой любой другой их деятельности. Так, например, можно сказать, что историки стремятся *объяснить* события прошлого. Я не могу

спорить с этим. Я утверждаю лишь, что сначала нужно дать истинное описание некоторого события, а уж потом объяснять его. Но что, если историк *A* уже дал такое описание события, которое хочет объяснить индивид? Назовем ли мы тогда *B* историком? Ответ состоит в том, что любое объяснение данного события потребует ссылки на другое событие и пока у нас нет его истинного описания, мы не достигнем успеха в объяснении первого события. И мы не должны упустить из виду, что высказывание « E_2 произошло благодаря E_1 », предполагаемое в качестве объяснения E_2 по крайней мере, является истинным утверждением о некотором событии из прошлого какого-то историка. Аналогично обстоит дело в тех случаях, когда говорят, что для объяснения некоторого прошлого события историк должен осуществить особый акт эмпатического отождествления себя с лицами, участвовавшими в этом событии. У меня нет сомнений в том, что историки могут осуществлять и осуществляют такие акты. Однако их способность совершать это, безусловно, зависит от их предварительного удостоверения в том, что такое событие существовало и существовали люди, с которыми можно пытаться осуществить эмпатическое отождествление. Тем не менее такого удостоверения нельзя достигнуть за счет эмпатического отождествления. Но здесь выявляется некоторый пробел в моей характеристике. Можно было бы сказать, что человек не является событием, а моя характеристика имеет отношение только к событиям из прошлого историка. Поэтому я должен расширить свою характеристику: историк высказывает истинные утверждения о прошлом, будь то события, люди или вещи любого рода.

Это пока все, что я хотел бы сказать об историках. Я даже не хочу утверждать, что они когда-либо добиваются успеха в своей деятельности, а говорю *лишь* о том, что они пытаются делать. Безусловно, это самое безобидное, что можно сказать об историках. Возможно, это мало что проясняет, по крайней мере, до тех пор, пока мы не уточним, утверждения какого вида они пытаются высказывать (истинные утверждения в этом смысле не являются особым *видом* утверждений). Точно так же мы можем сказать, что философ истории пытается высказывать утверждения определенного рода о будущем. Однако я хочу сказать здесь, что представитель субстантивной философии истории пытается высказывать о будущем утверждения того же рода, которые историк пытается высказывать о прошлом. Поэтому наш образ представителя субстантивной философии истории будет приобретать все более четкий вид по мере того, как будет уточняться наш образ самого историка. И в конце концов, как я надеюсь, мы увидим, почему относительно будущего нельзя высказывать утверждений такого рода, которые допустимо высказывать относительно прошлого.

Между прочим, есть причина для того, чтобы ограничиться столь общей и неконкретной характеристикой намерений историка. Эта причина заключается в следующем. Иногда утверждают, что *в общем и целом* мы не способны достигнуть успеха в высказывании истинных предложений о прошлом. Но если стремления историков в общем неосуществимы, немного можно получить посредством какого-либо дальнейшего описания этих стремлений. Если единорогов не существует, бесполезно выяснять относительно них какие-то подробности, например, свирепые они или кроткие. Поэтому я обращаюсь к возражениям, которые можно высказать против нашей способности делать истинные утверждения о нашем прошлом⁶³.

Семинар 4. История и искусство в философии А. Данто

План проведения

1. Проблема исторической репрезентации.
2. Концепция искусства А. Данто.

Основные понятия темы: история, нарратив, философия истории, аналитическая философия истории, интенциональный контекст, идеальная хроника, причинное объяснение, историческая репрезентация, метафора, искусство.

Вопросы для самоконтроля

1. Что представляет собой историческая репрезентация с позиции А. Данто?
2. Что подразумевает под собой интенциональность?
3. Каким образом А. Данто трактует историю искусство и искусство?
4. Что такое метанарратив?
5. Что такое эстетика?
6. В чем состоит концепция искусства А. Данто?

Темы докладов

1. Историческая репрезентация в философии А. Данто.
2. Философия искусства А. Данто.
3. Интенциональность и проблема исторического повествования.
4. «Что такое искусство?» А. Данто.

⁶³ Данто А. Аналитическая философия истории. С. 25–32.

ГЛАВА 3

ХЕЙДЕН УАЙТ: НАРРАТИВ И МЕТАИСТОРИЯ

Историк по образованию, Хейден Уайт обращался к проблеме создания истории, поскольку написание истории и причины изучения прошлого в большей мере привлекали его внимание, нежели само изучение прошлого. С его точки зрения, «идея истории» должна оставаться незаконченной, открытой и фрагментарной. Историческое сочинение должно быть сосредоточено на выявлении специфических особенностей изучаемой вещи, а не абстрактных свойств, позволяющих включить ее в состав класса явлений⁶⁴. Цель исследования состоит в реконструкции прошлого, которая может быть осуществлена на основе двойного конструирования: настоящего, от которого идет запрос, и прошлого, выступающего как возможный объект анализа⁶⁵.

Уайт соглашался с Н. Фраем относительно того, что история является вербальной моделью последовательности событий, внешней по отношению к разуму историка. Исторические структуры и процессы отличаются от своих оригиналов, так как человек не может увидеть прошлую реальность, чтобы понять, адекватно ли историк ее репрезентировал. Во-первых, Уайт рассматривал историю как конструкт, созданный на Западе, в то время как другие культуры соотносили свое прошлое способами, отличающимися от данной модели исторического пути. Во-вторых, философ говорил о сконструированном характере модели исторического процесса. Разные историки подчеркивают различные аспекты одного и того же исторического поля, одного и того же набора событий, потому что они действительно видят разные объекты, условно группируя их в разные классы и виды исторического опыта, рассматривая взаимоотношения между ними в различных терминах в соответствии со структурой повествования⁶⁶. Историк может рассказать различные типы историй об одном и том же наборе событий без каких либо нарушений критериев истинности на уровне репрезентации фактов⁶⁷.

⁶⁴ Маликова М.Э. Интервью с Хейденом Уайтом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2006/2/intervyu-s-heydenom-uaytom> (дата обращения: 02.02.2022).

⁶⁵ White H. Comment [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2013. Kindle Edition.

⁶⁶ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Уральский университет, 2002. С. 317–318.

⁶⁷ White H. Storytelling: historical and ideological. P. 74 [Electronic resource]. URL: http://faculty2.ric.edu/rfeldstein/521_fall_08_files/storytelling-historicalandideological.pdf (дата обращения: 07.03.2022).

С точки зрения настоящего прошлое является местом фантазирования, беспокойства, надежды, сожаления. Поскольку прошлое доступно только в непрямом и фрагментарном виде, в создаваемой репрезентации исследователь «восполняет» его посредством воображения, выявляя причины и мотивы, которых недостает в исторических данных⁶⁸. По мнению Уайта, нерелятивистских интерпретаций исторической реальности не существует, каждая из них опосредована видом языка, посредством которого историк предлагает свое оригинальное описание исторического поля⁶⁹. Тем самым интерпретации признаются равными, релятивистскими, но ограниченными языком.

Для представления того, «что действительно случилось в прошлом», историк сначала должен префигурировать как возможный объект знания весь набор событий, запечатленный в документах. Префигуративный акт – это акт поэтический, поскольку он докогнитивен, некритичен и является конститутивным элементом структуры, отображаемой в словесной модели, которая предлагается историком. В подобном поэтическом акте историк создает собственный объект анализа и предопределяет модальность используемой концептуальной стратегии⁷⁰. Как представляется, префигурацию можно охарактеризовать как морально-этический акт, поскольку воображаемое конструирование какого-либо явления как объекта исследования неизбежно основывается на морально-этических предпочтениях автора. В то же время Уайт практически не рассматривает сущность исторической реальности. Он полагает, что историческое поле приобретает смысл, когда историк создает его в своем воображении. Следовательно, префигурация, в первую очередь, представляет собой акт воображения.

По мнению Уайта, репрезентации историков являются «литературными» (поэтическими и «риторическими»), то есть отличными от научного дискурса⁷¹. Историческое объяснение не должно быть однозначно отнесено как к категории литературной истины, так и к акту чистого воображения, но может быть рассмотрено как метафора, управляющая повествованием. В истории не существует сюжетов, равно как и единого сюжетного плана во всей мировой истории. Подобное нетелеологическое рефлексивное отношение, динамически открытое всему новому, является следствием ницшеанского отношения к консервативным злоупотреблениям историей, которые формируют чувство «долга» перед

⁶⁸ Маликова М.А. Интервью с Хейденом Уайтом.

⁶⁹ White H. Historicism, history and figurative imagination [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/white_historicism.htm (дата обращения: 03.03.2022).

⁷⁰ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 51.

⁷¹ Там же. С. 32.

прошлым.⁷² Вместе с тем человеческому сознанию свойственно именно телеологическое мышление в том смысле, что индивидуум планирует свою текущую и будущую активность на основе поставленных целей, задач и др.⁷³

С точки зрения философа, история не является и никогда не будет являться наукой. Как справедливо отмечает Анкерсмит, воображаемый характер исторического сочинения и сходство исторического сочинения и художественного произведения определенно снижают когнитивистские подходы к историческому сочинению⁷⁴. Уайт также говорил и о различии между историей и художественной литературой. Их следует рассматривать соответственно как исследование, направленное на создание истины, и исследование, созданное для того, чтобы обеспечить доступ к реальному. Историческое исследование не обусловлено проблемой реальности прошлого, так как она является данностью и обеспечивает возможность исторического исследования.

Проблема метаисторического базиса исторических работ рассматривается главным образом в «Метаистории» – «одной из великих работ, оказавших больше влияние на развитие философии истории и стимулировавших развитие дискуссий относительно проблем, которые она поднимает»⁷⁵. Спецификой «Метаистории», по мнению Р. Дорана, является ее перформативная природа сама по себе; другая особенность заключается в демонстрации структурирующей роли тропов в историческом дискурсе и единстве истории и философии истории на глубинном уровне⁷⁶. Х. Келлнер выделяет иные основные темы: первая выражается в интересе к культурной политике, то есть к тому, каким образом традиция ограничивает обсуждения, которые делает возможными. Второй темой является выраженный интерес к проблеме человеческого выбора⁷⁷.

В «Метаистории» Уайт стремится концептуализировать скорее поэтику исторического сочинения, нежели философию истории. Поэтика,

⁷² Ball K. Hayden White's Hope, or the Politics of Prefiguration // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2013. Kindle Edition.

⁷³ White H. The historical event [Electronic resource]. URL: <http://differences.dukejournals.org/content/19/2/9.full.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

⁷⁴ Ankersmit F.R. A plea for cognitivist approach to White's tropology // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2013. Kindle Edition.

⁷⁵ Domanska E. Hayden White: beyond Irony [Electronic resource]. URL: <http://www.staff.amu.edu.pl/~ewa/Domanska-Hayden%20White-Beyond%20Irony.pdf> (дата обращения: 02.03.2022).

⁷⁶ Doran R. Editor's introduction: choosing the past: Hayden White and the philosophy of history [Electronic resource] // Philosophy of History After Hayden White / edited by R. Doran. L.; N. Y.: Bloomsbury, 2013. Kindle Edition.

⁷⁷ Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's linguistic humanism // History and Theory. Vol. 19. № 4. P. 1–29.

указывающая на художественный аспект исторического сочинения, рассматривается как определенный постоянный способ языкового использования, посредством которого объект исследования трансформируется в субъект дискурса. Как отмечает Е.Г. Трубина, слово «поэтический», использованное Уайтом для подчеркивания литературного характера работы историка, понимается им через призму первоначального смысла слова *poiesis* – создание, сотворение или изготовление. По словам Уайта, литературность истории есть парадигма, которая функционирует как метаисторический элемент во всех исторических работах. Повествование есть процесс пойсиса, то есть создания истории как следа существования во времени. Метаистория в его понимании представлена поэтикой исторического текста, риторическим анализом исторического письма, теорией историографического стиля⁷⁸.

В анализе исторических интерпретаций как вербальных структур Уайт предлагает использовать тропологию, рассматриваемую как теория преобразования (*figuration*) и дискурсивного построения сюжета, с помощью чего историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом⁷⁹. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы создают образы и связи между ними посредством воображения. Следуя за Дж. Вико, Уайт выделял четыре основных тропа: метафору, метонимию, синекдоху и иронию. Данные тропы «обеспечивают характеристику объектов в различных типах непрямого, или фигуративного, дискурса». При этом тропы функционируют не только как фигуры речи, но и как фигуры мысли и выступают как идентичные или аналогичные когнитивным формам сознания⁸⁰. Каждый троп предполагает языковой протокол, который может быть назван языком тождества (метафора), внешности (метонимия), внутренней сущности (синекдоха) и самосознания (ирония). Ирония диалектична, поскольку представляет собой осознанное использование метафоры в интересах словесного самоотрицания. Основная фигуративная тактика иронии – это катахреза. Кроме того, Уайт отмечает, что ирония является метатропом, поскольку она используется с осознанием возможного неправильного употребления фигуративного языка.

Все развитие исторического мышления может быть рассмотрено как фаза в рамках традиции дискурса, эволюционировавшей от метафорического толкования исторического мира через метонимическое и синекдохическое толкования к ироническому постижению неустранимого

⁷⁸ Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки // Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Уральский университет, 2002. С. 509.

⁷⁹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 7.

⁸⁰ Там же. С. 52.

релятивизма всего знания. Эволюция философии истории (от Гегеля через Маркса и Ницше к Кроче) представляет собой то же самое развитие. Как в философии истории, так и в историографии возникают те же основные модальности концептуализации, хотя и артикулируются они в разной последовательности⁸¹. По мнению П. Рикёра, Уайт исходил из того, что, «с одной стороны, всякое значительное историческое произведение демонстрирует целостное видение исторического мира, а с другой стороны, философия истории использует те же средства артикуляции, что и значительные исторические произведения»⁸².

С точки зрения Уайта, исторические объяснения всегда основываются на различных метаисторических предпосылках природы исторического поля, которые порождают различные представления о типе объяснения, используемого в историческом анализе⁸³. Истории включают в себя глубинное структурное содержание, поэтичное и лингвистическое по своей природе, выступающее «в качестве некритически принимаемой парадигмы того, чем должно быть именно “историческое” объяснение». Это метаисторическая парадигма функционирует во всех исторических работах. Метаистория задает вопросы в духе: какова структура этого типа исторического сознания? каков эпистемологический статус исторических объяснений, сопоставляемый с другими типами объяснений, которые могут быть предложены относительно используемых историком данных? каковы возможные формы исторической репрезентации и какова ее основа?⁸⁴ С того момента как события истории зафиксированы, приведены в исследованиях, свобода создателя истории состоит в возможности выбора, осуществляемой им в культурно одобряемых сюжетных типах, посредством которых различные события наделяются фигуративным значением⁸⁵.

По мнению Уайта, различие между историей и метаисторией скорее неясно. «Более того, мне следует отметить, что не существует собственно истории без метаисторических предпосылок, посредством которых объясняются некоторые интерпретативные стратегии, необходимые для репрезентации определенного фрагмента исторического процесса»⁸⁶. На метаисторическом уровне история и спекулятивная философия истории обнаруживают общие истоки в любой попытке понять смысл истории в целом. Следовательно, они различимы в средствах выражения, но не в

⁸¹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 55–61.

⁸² Трубина Е.Г. «Метаистория» и историки. С. 506.

⁸³ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 33.

⁸⁴ White H. *Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism*. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1978. P. 81.

⁸⁵ White H. *Storytelling: historical and ideological*. P. 74.

⁸⁶ White H. *Tropics of Discourse*. P. 52.

содержании. В истории конструкция вытесняется во внутреннее повествование, а «полученные» данные занимают привилегированное положение в повествовании. В спекулятивной философии на первый план выдвигается концептуальная конструкция, которая систематически обосновывается посредством данных, используемых главным образом в иллюстративных целях. Следовательно, любая философия истории содержит внутри себя элементы собственно истории, также как каждая собственно история содержит внутри себя элементы вполне сформировавшейся философии истории⁸⁷.

Уайт обращается к теории исторического сочинения, выделяя пять уровней концептуализации в историческом сочинении: 1) хронику; 2) историю; 3) тип построения сюжета; 4) тип доказательства; 5) тип идеологического подтекста. Хроника и история являются «примитивными элементами» в историческом повествовании, в их границах осуществляется отбор и расположение сведений из необработанного исторического источника для дальнейшего преобразования в более понятный вид. Сначала элементы исторического поля организовываются в хронику событий, для рассмотрения их в хронологической последовательности, затем хроника организуется в историю преобразованием событий в процесс, который имеет начало, середину и конец. Эта трансформация хроники в историю сопровождается характеристикой событий в терминах мотивов завязки, развязки, переходных мотивов. Исторические повествования включают в себя последовательность событий, которые ведут от завязок к развязкам социальных и культурных процессов, в то время как хроники могут продолжаться бесконечно и не имеют завязки.

Рассматривая метаисторический уровень, Х. Уайт отмечает, что он не содержит теоретических понятий, явно используемых историками, так как они сравнительно легко идентифицируются на «поверхности текста». Вместо этого Х. Уайт предлагает различать три типа стратегий, которые могут применяться историками для получения различного рода «эффекта объяснения»: объяснение посредством формального доказательства (*formal argument*), построения сюжета (*emplotment*) и идеологического подтекста (*ideological implication*)⁸⁸. Под объяснением посредством построения сюжета Уайт понимает придание «смысла», в рамках которого последовательность событий раскрывается как история определенного типа. Уайт, следуя за Н. Фраем, выделяет четыре способа построения сюжета: роман, трагедию, комедию и сатиру⁸⁹. Используя анализ С. Пеппера, Уайт выделяет четыре парадигмы формы, которые может

⁸⁷ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 492–493.

⁸⁸ White H. *Tropics of Discourse*. P. 72.

⁸⁹ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 27.

принимать историческое объяснение, рассматриваемое как дискурсивное доказательство: формистскую, органицистскую, механистичную и контекстуалистскую. Идеология в историческом описании отражает этический элемент в позиции историка относительно природы исторического знания и выводов. Под термином «идеология» Уайт подразумевает «набор предписаний для выбора социальной практики и действия в соответствии с ней». Следуя анализу К. Манхейма в «Идеологии и утопии», Х. Уайт предлагает четыре основные идеологические позиции: анархизм, консерватизм, радикализм и либерализм⁹⁰.

Х. Уайт утверждает, что историки интерпретируют свои данные двумя путями: посредством выбора нарративной структуры, которая позволяет придать нарративам узнаваемую форму, и через выбор парадигмы объяснения, которая придает их аргументам специфическую форму и тип артикуляции. Оба этих типа являются продуктом третьего, более базового, интерпретативного решения: морального или идеологического выбора. При этом любой исторический дискурс прошлого обладает специфическими идеологическими смыслами⁹¹. Исторический дискурс Уайт рассматривает как жанр, в котором реализуется один из возможных способов отображения реальности, при сохранении возможности выражения вещей противоположным образом. Дискурс, по мнению философа, является медиативным средством. Он имеет одновременно интерпретативный и преинтерпретативный характер и всегда содержит информацию о природе интерпретации как самой по себе, так и относительно субъекта, исследующего какой-либо аспект истории. Рассматриваемый как жанр, дискурс может быть проанализирован на трех уровнях: на уровне описания данных (мимесис), обнаруженных в ходе исследования; на основе аргумента или нарратива (диегезис), которые проявляются наряду с дескриптивными средствами; комбинацией двух предыдущих уровней (диатаксис).

Уайт рассматривает идеологию как центральную проблему интеллектуальной истории, связанную со значением, его производством, распространением в различных исторических эпохах⁹². Идеологическое содержание специфичной исторической точки зрения зависит не столько от типа дискурса, в котором оно описывается, сколько от доминирующей сюжетной структуры, выбранной для воплощения событий в признаваемом типе истории⁹³. Этическое измерение исторического

⁹⁰ Там же. С. 33–42.

⁹¹ White H. *Tropics of Discourse*. P. 67–69.

⁹² White H. *The content of the form: narrative discourse and historical Representation*. L.; Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987. P. 190.

⁹³ White H. *Storytelling: historical and ideological*. P. 69.

сочинения находит отражение в типе идеологического подтекста, посредством которого объединяются эстетическое восприятие и когнитивная операция. Историографический стиль представляет собой особую комбинацию типов построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста. Однако различные типы построения сюжета, доказательства и идеологического подтекста в конкретной работе не могут быть объединены без помех⁹⁴. Цитируя позднего Канта, Уайт отмечает, что истории следует рассматривать исключительно на основе морально-эстетической ценности, но баланс между ними достаточно трудно обнаружить⁹⁵.

Еще одним аспектом метаистории является личность автора, которая включается в дискурс как действующее лицо в процессе придания формы, поскольку без субъекта дискурс становится неперсонализированным. Язык также может выступать как элемент метаистории. Нельзя сказать, что любой приведенный текст может самостоятельно «призывать» целый мир его происхождения или что приведенный набор событий может возрождать мир во всей его полноте. Историки используют некоторую версию теории языка для трансляции значений через исторический континуум, чтобы создать смысл. Отношение между миром и языком может быть причинным (проявление причинно-следственных отношений, управляющих миром вещей, в которых он возникает), миметическим (как репрезентация мира как знака или мимезиса) или основанным на аналогии (как символическая система, типа аналогии, обычная или культурно-специфическая, в зависимости от обстоятельств).

Уайт полагает, что не существует такой вещи, как нарратив в общем, существуют различные типы повествования и объяснения, исходящие из вида согласованности, которыми наделяются события, располагаемые в соответствии с определенной структурой сюжета. Можно сказать, что нарративные точки зрения объясняют реальные события, приводя их в соответствие определенному типу сюжета: эпическому, комическому, трагическому, фарсу и др. Этот тип взаимосвязи реализуется посредством техники создания сюжета⁹⁶. Вопрос о природе нарратива подразумевает

⁹⁴ Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. С. 49.

⁹⁵ Kellner H. Hopeful monsters or, the unfulfilled figure in Hayden White's conceptual system [Electronic resource] // Philosophy of history after Hayden White / edited by R. Doran. L.; N. Y.: Bloomsbury. 2013. Kindle Edition.

⁹⁶ White H. Storytelling: historical and ideological. P. 65.

под собой рефлексию о природе культуры и, возможно, даже человеческой природе, поскольку нарратив является естественным и используется для передачи любого сообщения о тех вещах, которые действительно случились. Нарратив, по сути, проблематичен только в той культуре, которой он не свойственен, где он отсутствует или отрицается, как, например, в некоторых областях западной интеллектуальной и художественной культуры. Следствием этого выступает тот факт, что нарратив может рассматриваться как решение проблемы наиболее общего концепта человечества, то есть проблемы перевода знания в рассказ, преобразования человеческого опыта в формы, подходящие к структурам понимания, которые являются скорее общечеловеческими, нежели культурно-специфическими. Это подразумевает, что существует далеко не один код, посредством которых культура упорядочивает опыт, однако нарратив выступает метакодом, человеческой универсалией, на основе которой могут быть переданы межкультурные сообщения о природе общей реальности⁹⁷.

Каждый исторический нарратив обладает скрытой или явной целью морализовать события, о которых он повествует. Тем самым нарративность направлена на то, чтобы придать реальности нравственные функции повествования и таким образом идентифицировать его с социальной системой, которая является источником всей представляемой морали. Очевидно, что конкурирующие нарративы, рассматриваемые как рассказы о событиях, могут быть оценены, рассмотрены, ранжированы на основе их точности по отношению к фактическим данным, их всеобъемлемости, полноты и согласованности аргументов, которые они содержат. Однако нарративы состоят не только из сингулярных фактических предложений и аргументов, но и включают в себя поэтические и риторические элементы, вследствие чего они представляют собой большее, нежели набор фактов, превращенных в историю⁹⁸.

Итак, Уайт рассматривал проблемы повествования в истории, связи языка с исторической репрезентацией. Философ сводил историческую реальность к тексту, представляя историю как вербальную повествовательную структуру, выступающую как сконструированная модель прошлой реальности. Тем самым репрезентация представляется косвенной, осуществляемой посредством повествования. Историческая репрезентация не воссоздает ранее существовавшую реальность, поэтому

⁹⁷ White H. The value of narrativity in the representation of reality. [Electronic resource]. URL: http://isites.harvard.edu/fs/docs/icb.topic642734.files/White_Value_of_Narrativity.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

⁹⁸ White H. Historical emplotment and the problem of truth. L.; Cambridge: Harvard University Press, 1992. P. 38.

непосредственному конституированию предшествует префигурация – создание объекта исследования в сознании историка. Язык предлагает различные варианты конструирования и фиксации объекта, следовательно, существует возможность неограниченного количества интерпретаций и наделения значением. Любая история предусматривает метаисторию, которая является набором предпочтений и приверженностей историка, вносимых в любую интерпретацию на эстетическом и этическом уровнях. Уайт предлагал использовать тропологию, понимаемую как теория преобразования и дискурсивного построения сюжета, с помощью которых историки придают событиям статус факта и наделяют их смыслом. Тропология представляет собой теоретическое объяснение вымышленного дискурса и способов, посредством которых различные тропы (метафора, метонимия, синекдоха и ирония) создают образы и связи между событиями посредством воображения.

Семинар 5. Хейден Уайт: метаистория и повествование

План проведения

1. Философские воззрения Х. Уайта.
2. История и нарратив.
3. «Метаистория» Х. Уайта.

Основные понятия темы: философия истории, история, тропология, нарратив, метаистория, сюжет, роман, комедия, трагедия, сатира, ирония, историческое воображение

Вопросы для самоконтроля

1. Что такое тропология? Почему Х. Уайт является ее приверженцем?
2. Какой неотъемлемый компонент содержит историография? Почему?
3. Каких «великих нарративных историков» упоминает Х. Уайт?
4. В чем, с точки зрения Х. Уайта, заключается разница между «событием» и «фактом»?
5. Что такое «история» (или «истории») по мнению Х. Уайта?
6. Что Х. Уайт понимает под «вымыслом»?
7. Что подразумевает понимание нарратива Х. Уайтом?

Темы докладов

1. Методологические ориентации Х. Уайта.
2. Просвещение и проблема исторического сознания в философии Х. Уайта.
3. «Метаистория»: четыре вида реализма.
4. Отказ от реализма в философии истории конца XIX века.
5. Прошлое и нарратив в интерпретации Х. Уайта.

Семинар 6. Х. Уайт: нарратив и прошлое**План проведения**

1. История как риторика.
2. Дискурс и нарратив.
3. Идеология и история.

Основные понятия темы: философия истории, история, тропология, нарратив, метаистория, историческое воображение, дискурс, фигура, метафора, ирония.

Вопросы для самоконтроля

1. Как Х. Уайт трактует природу нарратива?
2. Что такое «практическое прошлое»?
3. Какие две стадии работы с историческим текстом выделяет Х. Уайт? Охарактеризуйте каждую из них.
4. Что такое дискурс?
5. В чем разница между «истиной смысла» и «смыслом истины»?
6. В чем важность языка для историографии?
7. Как Х. Уайт понимает прошлое?

Темы докладов

1. История и прошлое в философии Х. Уайта.
2. Историческое воображение и нарратив в философии Х. Уайта.
3. Философия Х. Уайта: «тропики дискурса».
4. «Содержание формы» Х. Уайта.
5. «Практическое прошлое» Х. Уайта.

Работа с текстом

Хейден Уайт

Во-первых, я хотела бы спросить: каковы были Ваши ключевые интересы в годы учебы?

... Мне всегда было интересно знать, почему люди изучают прошлое; это гораздо более интересно, чем изучать прошлое самому. Профессия историка открывалась передо мной как нечто удивительное, как взгляд с некой антропологической точки зрения. Странно ведь, что в обществе есть люди, профессионально исследующие прошлое. Почему государство, общество, сообщество должно платить людям за изучение прошлого? Что можно извлечь из такого изучения? Почему люди увлечены этим занятием? Многие культуры не имеют такового. Почему Запад породил такую профессию?

В университетах история не изучалась вплоть до начала XIX века. Она не была обязательным предметом. Не существовало исторических факультетов. Были факультеты античности, на которых изучался древний, библейский, мир, но там не было историков. История была чем-то таким, что мог написать каждый, но подготовить диссертацию по истории, вообще получить право это сделать, было невозможно.

Все эти обстоятельства породили во мне вопрос: а каковы социальные функции изучения прошлого? Каковы функции идеологии и пропаганды? Они учат чему-то и утверждают что-то, основываясь на власти, данной знанием прошлого. Это поразило меня, это было необычайно странной вещью, и я стал ее активно изучать...

Была ли «Метаистория» своего рода восстанием против позитивизма?

Да, это так: она была направлена против позитивизма, точнее – против позитивистского понимания истории. История как дисциплина систематически нетеоретична. Историки мыслят себя в качестве эмпириков, и они таковы и есть, но они не философски эмпиричны. Они эмпирики в общепринятом смысле этого слова – обычном, повседневном. Именно поэтому марксизм в Соединенных Штатах всегда рассматривался как нечто, в действительности не историческое, поскольку он обладает теорией. И марксизм, конечно, всегда критиковал буржуазных историков за отсутствие теории в их исследованиях.

Мы можем рассуждать о сущности нарративистской философии истории, но очень сложно говорить о применении ее теории. Можно предположить, что, например, Фуко или другие историки, связанные с

mentalite парадигмой, представленной Ле Руа Ладюри, Гинзбургом и другими, могут это сделать, но вряд ли хоть один другой автор исторических исследований, использующий директивы нарративистской философии истории, способен на это.

Да, это так, но тезис о нарративной концепции истории есть аналитическое открытие, а не предписание. Это не то, что формулирует правила для написания истории; точно так же, как литературоведы, исследующие литературные произведения, не обучают писателей их ремеслу. Теория истории как нарратива не есть свод обязательных правил. Она рефлексивна и аналитична; она – осмысление практики. Она созерцает практику. Самая важная вещь в нарративе заключается в том, что он является способом организации восприятия мира субъектом, способом организации опыта субъекта... Нарратив есть нечто, чему вы не обязаны обучаться. Вы, конечно, должны научиться рассказывать, но ровно настолько, насколько должны научиться говорить на своем языке. Людям, для того чтобы говорить, не нужна теория речи. Все, что им нужно, – это усвояемая концепция грамматики, морфологии и пр[очее], в отличие, скажем, от научного или алгоритмического мышления, которое не следует теории подсознательно. Я бы сказал, что нарратив есть то, что возникло вместе с общественной жизнью, что свойственно социальной и групповой идентификации. Это то, что связывает его с мифом, и то, что делает его подозрительным для ученых. Когда Дарвин трансформировал естественную историю в биологию, он отрекся от нарратива. Естественная история была нарративным изложением эволюции мира. Но, с другой стороны, теория нарративной истории дает возможность людям экспериментировать с различными видами нарративного письма...

Существует множество способов исследования истории, и мы изучаем их в разных целях. Невозможно абсолютизировать какой-то один способ изучения истории. Это не то же самое, что изучение физики. Историк может импровизировать со своими техниками познания прошлого, поэтому историописание имеет историю, отличную от истории изучения физики. Достаточно просто взглянуть на историю исторической науки, чтобы увидеть в ней различные стилистические вариации. И что действительно наивно, так это убеждение историков в том, что здесь и сейчас существующий способ делать историю, наконец-то, наилучший...

События истории не воспроизводимы в дефинициях. Мы не можем повторить их так, как повторяемы физические феномены в лабораторных условиях. События истории неповторимы потому, что они больше

не воспринимаемы. Они не могут быть изучены эмпирически. Они могут быть познаны только другими, не эмпирическими, методами; но не существует способа выявления лучшей теории или ведущего способа изучения истории. Такова моя точка зрения.

Многие историки, я думаю, согласятся с тем, что нет единой, признаваемой всеми теории истории. Но мы можем иметь теорию историописания. Я имею в виду то, что можно отступить назад и посмотреть на историописание так, как мы смотрим на науку в философии науки. Философы науки не указывают физикам, как проводить исследования. Они размышляют над тем, что делают физики для того, чтобы сформулировать некоторые утверждения, касающиеся эпистемологических допущений физики.

Давайте вернемся к ключевому вопросу о том, что такое философия истории. Вы полагаете, что цель философии истории состоит не в том, чтобы раздавать некие директивы или показывать, каким образом эти директивы должны быть применены к историописанию. Скорее, философия истории призвана помочь понять, как историки в прошлом писали свои тексты.

Не только это. Она осмысливает вопрос отношения между историей и другими дисциплинами. Например: каковы отношения между историописанием и литературой? каковы отношения между историческим и социологическим исследованием? Все это – философские вопросы. Историки делают свою работу. Они не обязаны думать об этих отношениях. Историки совсем не часто задумываются о культурных функциях их исследований. Они – внутри своей дисциплины, они – в своей работе. Когда вы указываете им: «Тот тип работы, который вы выполняете, предполагает или основывается на некотором числе скрытых допущений», они говорят: «Ну да, но нам они не интересны. Мы должны продолжать свое дело».

Знание структурировано в соответствии с различными дисциплинами. Историки, по крайней мере в Соединенных Штатах, вдруг решили, что можно использовать антропологию, что они могут воспользоваться определенной «теорией родства», и они применили это к истории. В дальнейшем кто-то посчитал возможным обратиться не к антропологии, а к психоанализу, или к социологии, или к теории классов. Историки постоянно что-то заимствуют. Мне интересен сам принцип, в соответствии с которым решаются практиковать именно этот, а не другой тип истории...

Кто был для Вас первым источником вдохновения?

Коллингвуд и Кроче... Другими источниками вдохновения стали для меня великие, глубоко мыслящие историки, – такие, как Хейзинга, например...

Мне была интересна истинная история. Да, мне было интересно писать историю, но я не исследователь древности. Я имею в виду, что не верю, будто вы изучаете прошлое только потому, что вам оно интересно. Если вы интересуетесь прошлым, то ваш интерес имеет какую-то психологическую мотивацию. *«Метаистория»* есть результат исторического исследования; это просто изучение историописания XIX века. Я исследовал историописание XIX века, и это был исторический проект. Но я полагал, что нужны некие принципы для организации и характеристики тех различных способов, какими в XIX веке делали историю, писали об истории. Поэтому я начал с исследования исторического текста. Мне казалось, что способ, которым большинство людей писали историю историописания, заключался во вслушивании в то, что историки говорили о своей работе, а не в анализе того, что они, в конце концов, написали. Ранке, например, говорил: мы идем в архивы, мы изучаем их, мы возвращаемся, мы классифицируем добытое и мы описываем его. Таким образом, существует фаза исследования и существует фаза письма. Я обнаружил, что если мы начнем не с этапа сбора информации, а с самого текста, то увидим, что во многих случаях историки говорили о тех вещах, которые не могут быть обоснованы данными о результатах их исследований. Композиция текста историка, созданная на основе его собственных композиционных соображений, трансформировала материалы, собранные им в архивах. Поэтому я искал способ характеристики различных стилей репрезентации... По существу, моя *«Метаистория»* книга структуралистская. Но, конечно, структурализм там лимитирован...

Расскажите о Вашем интересе к Вико и к гуманизму Ренессанса. Обусловлен ли он тем, что гуманисты пытались заменить логику риторикой или свести логику к риторике?

Да, это правда. Почему я использую тропологию, теорию троп? Потому что нарративное письмо не содержит логику. Не существует нарратива, который когда-либо демонстрировал бы последовательную логическую дедукцию. И любой человек, который когда-либо пробовал написать рассказ, который содержал бы в себе правила вывода одной его фазы из другой, вдруг понимал, что он совсем никудышный рассказчик. Я думаю, что следует прибегать или к альтернативной логике, или к логике нарративной композиции, которую можно отыскать в современной риторике. В древней риторике, полагаю, ее нет. Я думаю, что гегелевская диалектика, гегелевская логика являются попыткой формализовать практическое мышление. Когда люди вступают в политические или любовные отношения, они не соотносятся силлогистически. Эти отношения не есть силлогизм. Это что-то иное. Это – энтимема. И многие

образования, многое в повседневной жизни энтимематично. Оно не следует правилам логической дедукции; оно не силлогистично.

Как полагали и Д.С. Милль, и Гегель, для рассуждений о практической жизни нам нужна другая логика – логика праксиса... Те, кто, изучая нарратив, хочет отыскать в нем логику, ошибаются. Они стараются найти грамматику нарратива и снова терпят неудачу. Причина и факт заключаются в том, что нарратив не является одним большим предложением. А грамматика может рассказать вам только о предложении, но не о дискурсе. Таким же образом логика силлогизма может рассказать только о предложении. Но хотя в нарративе и есть предложения, сами нарративы не расширяются до множества предложений. Компоненты нарратива не сводятся только к предложениям. Эти компоненты экстрапропозициональны и ассоциируются с синтаксисом. Но это не грамматический синтаксис. Это синтаксис использования языка, располагающийся по ту сторону предложений. Он связывает предложения вместе. Вы можете связать предложения вместе с помощью логики, а можете с помощью тропологии. Тропология используется потому, что мы нуждаемся в теории отклонения, в систематической девиации от логических ожиданий. Это то, что очаровывает в нарративе. Он не может быть подчинен строгим правилам логической дедукции. Именно поэтому я обратился к теориям риторики: я думаю, что риторика предусматривает теорию импровизационного дискурса.

Со времен Платона философы утверждают, что риторика подозрительна, двойственна, искусственна, и только логика естественна. Это смехотворно! Платон был настроен против софистов потому, что был идеалистом, верящим в абсолютные истины. А риторика основывалась на материалистической по-настоящему концепции жизни; она скептична. Горгий и Протагор обнаружили, что нет такой вещи, как единственный правильный способ говорения о мире и способ его репрезентации, поскольку язык произволен в его отношении к миру, о котором он говорит. Истинна ли речь, правильна ли она, правдива ли она, – зависит от того, кто обладает властью определять это. Поэтому риторика есть теория политики дискурса, по моим представлениям. Она утверждает, что дискурс вырабатывается в конфликтах между людьми. Те, кто определяют, кто будет обладать властью, правом и авторитетом, те определяют и то, какая речь правильна; те, кто пытаются именовать правильную речь – другими словами, узаконить ее, – сами всегда авторитарны, начиная с Платона. Риторика знает, что значение всегда производится; истину не находят, а создают. Именно поэтому я думаю, что риторическая концепция таких форм дискурса, как история, которая не может быть формализована, создает своего рода эквивалент того, что поэтика старается делать в своем анализе поэтического стиля и речи...

История имеет два лица: научное и художественное.

Конечно – и это то, что делает ее интересной. Вы всегда смотрите в обоих направлениях. Но историки этого не знают, потому что с XIX века они обучаются тому, что должны держать литературные и поэтические эффекты вне границ своих работ. Они говорят: «Вы выполняете свое исследование как ученый; но затем, когда приходит время записать его, о'кей, сделайте его приятным так, чтобы люди могли читать его легко; но ваша работа не должна добавлять к обнаруженной истине ничего, кроме косметической правки». И это неверно. Любой современный лингвист знает, что форма репрезентации есть часть содержания. Именно поэтому я назвал свою книгу «Содержание формы». Она находится в одном русле с идеями, развиваемыми с тех пор, как Лукач и литературоведы, такие как Фредрик Джеймисон, подчеркнули, что идеология связана с формой вещи столь же тесно, как и с содержанием данной репрезентации. Выбрать форму – уже означает выбрать и семантический домен...

Можно ли сказать, что «Метаистория» была попыткой отойти от истории и что использованием риторики Вы пытались избежать проблемы истины в истории?

Невозможно избежать проблемы истины. Потому что это одна из конвенций, которая создает саму возможность историописания. История определяет себя и свою природу в контрасте с фикцией (поэзией), с одной стороны, и философией, с другой. Во многих отношениях практика истории определяется не тем, что она делает, а тем, что она не делает. Поэтому проблема истины не может быть обойдена. Точно так же не может быть обойдена и проблема отношения истины к репрезентации. Одна из вещей, которым научила нас лингвистическая философия XX века, заключается в том, что нет вопроса об истине, существующей здесь и сейчас, отделяемой от репрезентации или формы репрезентации истины. Если истина презентует себя как утверждение, как высказывание, то форма такого высказывания так же важна, как и его содержание. Их невозможно разделить.

Различные школы современной философии согласны в том, что язык, в котором репрезентирована истина, чрезвычайно важен для определения силы истинностных утверждений, скрыто или явно находящихся на поверхности высказывания.

Не думаете ли Вы, что с позиций нарративистской теории было бы весьма плодотворным использовать метафорическую теорию истины?

Да, это то, с чем, наконец, смирились аналитические философы на Западе. Со времен Декарта метафора рассматривалась как род ошибки. Райл назвал ее «категориальной ошибкой». Это – некорректность кросс-классификации, абсурд. Можно подумать, что любой человек,

прочитавший любое стихотворение, должен отдавать себе отчет в том, что все описанное в нем не соответствует действительности. Мы нуждаемся в метафорическом выражении эмоций при характеристике сложных и запутанных аспектов нашего опыта переживания мира. Ничего не может быть изложено в исключительно декларативных предложениях, без метафоры. Не бывает такой вещи, как неметафорический язык. Конечно, есть некоторые предложения, которые могут быть расценены, как буквальный, неметафорический язык. Однако те аспекты жизни, которые представлены в таком языке, абсолютно непроблематичны. И у нас, в Соединенных Штатах, есть такие люди, как Д. Дэвидсон и Р. Рорти, например, которые наконец-то пришли к тому, о чем говорил Ницше много лет назад, – что все, безусловно, есть метафора...

Как бы Вы назвали свою теорию: поэтика истории, риторическая теория истории, эстетический историзм, новый риторический релятивизм, поэтическая логика историописания?

Это трудно сделать; сейчас я больше стараюсь работать над развитием понятия тропики как континуума логики, диалектики и поэтики. Я бы говорил о тропике вместо риторики: тропика есть теория, весьма подобная той, что предложил Якобсон. Тезис Якобсона заключался в следующем: нельзя установить отличие между поэтическим и непоэтическим языками. Существует поэтическая функция, в некоторых дискурсах она доминирует, в некоторых нет, но она есть везде.

Мой вопрос заключается в следующем: если старая, принадлежащая XIX веку дистинкция факта и вымысла не может быть больше поддержана, и если вместо этого мы рассматриваем факт и вымысел как континуум дискурса, то тогда могу ли я спросить: «Что такое “вымышленная фикция” в не-фикционном дискурсе, или в дискурсе, который старается основываться на фактах?» Ведь каждый, кто пишет нарративы, фантазирует. Я использую термин *поэтика* и я использую термин *риторика*. Проблема с ними обоими в том, что их подтекст настолько тесно связан с романтизмом и софистикой, что они отталкивают от себя читателей и становятся непродуктивными. Нам нужна другая система понятий, и я все больше думаю, что мне удалось разработать теорию тропики. Именно поэтому я вновь возвратился к исследованию Дж. Вико.

И, между прочим, тропология – в то время, когда я писал «*Метаисторию*» – появилась именно потому, что я вел семинар по Вико. Мне нужен был определенный способ осмысления того, как мы координируем уровни аргументации и связи между различными частями нарратива, которые не подчиняются связям логическим. Я изучал Вико, и он предложил мне новый способ размышления о различных аспектах

такого сложного дискурса, как история. И этот способ не логический, а тропологический. Он довольно сыро представлен в «Метаистории», поскольку в то время я мало что знал о риторике. Меня ведь учили, что риторика – вещь плохая. Она аморальна, заинтересована не в поисках истины, а в убеждении собеседника. Мои учителя неплохо промыли мне мозги на этот счет. Они же учили меня, что вот с поэзии все о'кей. Поэтом быть трудно, но почетно. Наука и логика – хорошие вещи, а вот риторика всегда плоха. Но все зависит от того, что понимать под риторикой. Вико предложил две концепции риторики: как искусство убеждения и как науку дискурса. Базисом науки о дискурсе является тропология...

Могу я вернуться обратно, к проблеме риторики? Я думаю, что риторика больше не является тем, чем она была в классическую эпоху, но стала просто видом философии. Что Вы думаете по поводу исследований Дж. Нельсона и др[угих] в коллективной монографии «Риторика гуманитарной науки», где авторы подчеркивают, что не существует одна риторика, но есть много риторик, – таких как риторика истории, риторика экономики и пр.?

Видите ли, я не согласен с этими людьми, поскольку их представление о риторике очень старомодно. Они полагают, что риторика – это что-то о форме. Их понимание риторики сходно с идеями по этому поводу Цицерона и Квинтилиана. Моя же концепция риторики, идущая от Вико, ближе к тезисам Горгия и Протагора и является философией. Цицероновская риторика не есть философия. Он говорит: вот здесь риторика, а вот здесь философия. Так же и Квинтилиан: «Сначала философия, а затем риторика для обучения учеников». Но изобретатели риторики, Горгий и Протагор и все остальные, кого критиковали Платон и Аристотель, были настоящими философами языка. Я думаю, вы вполне правы: риторика есть философия; это материалистическая философия, и она предполагает собственную онтологию. Софисты учили, что метафизика невозможна (я читал это у Паоло Валезио), и это та самая вещь, которой пытался научить нас Ницше в XIX веке. Риторика понимается как теория производства значения, – того, как значение конструируется, а не того, как оно обнаруживается. Платон, например, верит, что значение можно найти, что оно заключено в вещах...

Есть ли противоречие между воображаемым и реальным?

Нет, потому что то, что воспринимается как реальное, всегда немного воображаемо. К реальному нет прямого доступа. Оно достигается только через образ. Именно поэтому столь важна теория метафоры...⁹⁹

⁹⁹ Хейден Уайт // Философия истории после постмодернизма / под ред. Э. Доманска. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 27–61.

ГЛАВА 4

**Ф.Р. АНКЕРСМИТ: ПОВЕСТВОВАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ**

Франклин Анкерсмит – профессор теории истории и интеллектуальной истории принадлежит к числу философов, приобретших популярность среди англоязычных авторов конца XX века¹⁰⁰. Его философия ассоциируется с постмодернизмом, историческим нарративом, лингвистическим поворотом и последующим отказом от него. В связи с подобными трансформациями исторической теории представляется актуальным проследить изменения в философской концепции мысли-теля.

Для Анкерсмита в «Нарративной логике» существовала только одна реальность – язык. В свою очередь, эпистемологический барьер, возведенный между субъектом и объектом, привел к тому, что идентификация субъекта и текста стала невозможной, а текст получил «невообразимую глубину, в которую никогда не мог бы проникнуть человеческий ум»¹⁰¹. Попытка Анкерсмита проанализировать нарратив сосредотачивалась на проблеме возможности нарративного знания исторической реальности, в рамках которого «прошлое может быть описано в констатирующих единичных высказываниях, являющихся либо истинными, либо ложными»¹⁰². При этом главным образом философа интересуют языковые средства, используемые для выражения знания.

Анкерсмит выделял две позиции относительно природы нарратива: нарративный реализм и нарративный идеализм – и характеризовал себя как идеалиста, сопоставляя предлагаемый им нарративный идеализм с попперовским научным идеализмом, согласно которому любая теория должна быть сфальсифицирована. С точки зрения философа, прошлое не наделено никаким скрытым механизмом, смысл в историю привносит сам познающий субъект. Прошлое также не может быть перенесено на лингвистический уровень с помощью правил перевода, поскольку историк сам создает нарратив. Язык в нарративе используется для повествования

¹⁰⁰ Кукарцева М.А. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000879/st000.shtml> (дата обращения: 16.03.2022).

¹⁰¹ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 137.

¹⁰² Там же. С. 91.

как об интенциональном человеческом действии, так и о неумышленных результатах интенционального человеческого действия¹⁰³.

Анкерсмит обращается к структуре исторического нарратива. Прошлое не обладает нарративной структурой, и только историк способен упорядочить историческую реальность, систематизировав разрозненные события как единое целое. Историк не обладает опытом прошлого, но посредством работы с источниками, не являющимися непосредственно самой реальностью, он повествует о нем. Структура исторического нарратива представлена сингулярными высказываниями, описывающими прошлую реальность. При этом следует определенный холизм философа в восприятии нарратива как целостности: «Когда мы собираемся говорить о нарративах как таковых, мы не можем позволить себе делить их на части: мы должны совладать с целыми нарративами»¹⁰⁴.

Основополагающее значение в нарративе играет нарративная субстанция (Ns). Анкерсмит, заимствуя идею связывающих понятий Уолша, позволяющих подвести «широкий спектр различных явлений под общий знаменатель» (Ренессанс, Просвещение), предлагает применять к ним более удачный термин «нарративная субстанция». Как отмечает П. Айк, Анкерсмит, восприняв идею связывающих понятий, сократил ее до проблематичной прямой референциальной связи с прошлым, назвал нарративной субстанцией и включил в лингвистическую среду, созданную Уайтом и Бартом¹⁰⁵.

Нарративная субстанция является образом или картиной прошлого, совокупностью высказываний и наделена свойствами сообщаемого в высказываниях, не будучи при этом частью самих этих высказываний. Анкерсмит также подчеркивает беспредпосылочность нарративных субстанций, их основательность в языковом дискурсе. Философ приписывает нарративным субстанциям характеристику сущностей Аристотеля: «Сущность – это та, которая не говорит ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь»¹⁰⁶. Тем самым нарративная субстанция выступает первичной логической сущностью в историографических описаниях прошлого.

На концепцию Анкерсмита при описании Ns определенное влияние оказали воззрения Г. Лейбница. Во-первых, Ns «просты», как монады; содержащиеся в них высказывания являются их свойствами. Во-вторых,

¹⁰³ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 162.

¹⁰⁴ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. С. 289.

¹⁰⁵ Icke P. The Journey from language to experience: Frank Ankersmit's lost historical cause. N. Y.: Routledge. 2012. P. 23.

¹⁰⁶ Кукарцева М.А. Ф. Анкерсмит и «новая философия истории». С. 29.

лейбницево утверждение о предустановленной гармонии нашло отражение в тезисе о гармоничном строении нарративистского мира¹⁰⁷. В-четвертых, Ns «содержит все свои предикаты с необходимостью. Поэтому, если Nss теряют или приобретают некоторое свойство, они изменяют свой характер, как и монады»¹⁰⁸.

В нарративе высказывания выполняют двойную функцию: они отсылают к вещам или аспектам прошлого, то есть индивидуализируют Ns, и описывают реальность. Однако возможность точного установления Ns нарратива иногда затруднена в силу того, что нарративные субстанции неуловимы и неотчетливы. Знание того, какая Ns предложена в нарративе, равносильно пониманию нарратива как повествования. Вместе с тем нет основания наделять множества высказываний каким-то дополнительным статусом, помимо статуса отдельных высказываний. Все, что можно сказать с помощью Nss, можно также сказать с помощью отдельных выражений. Философ предлагает бельведерскую теорию нарратива: «высказывания в нарративе можно рассматривать как средства достижения “точки зрения”, аналогичные ступеням лестницы на бельведер, но увиденное нами, в конечном счете, охватывает значительно больше, чем выражают сами высказывания. Нарративные “точки зрения” всегда представляют собой способы видения исторической реальности»¹⁰⁹.

Анкерсмит, отрицая линейную модель нарративистского мира, предлагает представить нарративистский мир как многомерную систему координат, которая имеет столько осей (измерений), сколько существует возможных высказываний об исторической реальности. Нарративистский мир не имеет фиксированного числа нарративов в силу того, что количество репрезентаций неисчислимо, а реальным является то, что мыслимо.

Идея нарративных субстанций послужила импульсом для развития концепции репрезентации прошлого, которая, в свою очередь, инспирировала эстетический подход к историческому сочинению¹¹⁰. Анкерсмит описывает репрезентацию как акт изображения или воображения ситуации, связывая ее с идеями сходства, создания признаваемого образа или подобия того, что отражено¹¹¹. Репрезентация является актом создания чего-либо отсутствующего как вновь существующего и отстаивает антиплатонический взгляд, согласно которому репрезентации, как правило, более реально существуют для нас,

¹⁰⁷ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. С. 203.

¹⁰⁸ Там же. С. 189–191.

¹⁰⁹ Там же. С. 314.

¹¹⁰ Domanska E. Frank Ankersmit: from narrative to experience. P. 177.

¹¹¹ Skinner Q. Comments on Frank Ankersmit's Political Representation and Political Experience: an essay on political psychology [Electronic resource]. URL: http://www.jyu.fi/yhtfil/redescriptions/Yearbook%202008/Skinner_2008.pdf (дата обращения: 07.04.2022).

чем то, что они изображают¹¹². Особенность исторической репрезентации состоит в том, что она связана с пропозициональной установкой историка. В этом смысле исторический текст не имеет референта и является «результатом взаимного отображения уровней “говорения” (дескрипции) и “говорения о говорении” (репрезентации)»¹¹³. В репрезентации также отсутствуют субъект-объектные отношения, крепко связывающие язык с миром¹¹⁴.

Анкерсмит отмечает, что репрезентация, как предмет контекста, традиции, не решает эпистемологические проблемы. Более того, эпистемология является попыткой зашифровать форму репрезентации, следовательно, репрезентация гораздо ближе к докартезианскому, аристотелевскому взгляду на познание¹¹⁵. Мыслитель также полагает, что репрезентации не нуждаются в информации о том, как необходимо их читать, и являются «самоинтерпретирующимися». Кроме того, все репрезентации предшествуют друг другу, и ни одна из них не может быть изолирована от другой. Это совпадает с тем, как Л. Витгенштейн обозначал отношения между предложениями и миром (одно отображает другое благодаря принципу самоочевидности). Следовательно, по мнению П. Рота, Анкерсмит приводит как новаторство взгляд на репрезентацию, от которого отказались в рамках предшествующей философии в силу метафизических сложностей¹¹⁶.

Анкерсмит предлагает рассматривать историописание с точки зрения эстетики в силу того, что история должна быть отнесена к концепции искусства, так как репрезентирует индивидуальное как таковое. Обращаясь к проблеме соотношения нарратива и метафоры, Анкерсмит отмечает, что метафорические высказывания накапливают в себе свойства нарративных субстанций. К примеру, метафорическое высказывание «Европейская культура была возрождена в ходе XV столетия» побуждает отбирать среди всех высказываний, которые возможно сформулировать о европейской культуре данного периода, утверждения, связанные с нарративами о Ренессансе, хотя само метафорическое высказывание не выражает явным

¹¹² Ankersmit F.R. Presence and representation [Electronic resource]. URL: <https://www.rug.nl/research/centrum-voor-metageschiedenis/doc/presenceandrepresentation.doc>. (дата обращения: 06.05.2022).

¹¹³ Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность, основные принципы [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9242837> (дата обращения: 03.03.2022).

¹¹⁴ Ankersmit F.R. Invitation to historians [Electronic resource]. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/eng/ankersmit_invitation.htm (дата обращения: 04.04.2022).

¹¹⁵ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 181–182.

¹¹⁶ Roth P. Whistling history: Ankersmit's neo-Tractarian theory of historical representation [Electronic resource]. URL: <https://paulroth.sites.ucsc.edu/wp-content/uploads/sites/236/2015/08/Roth-on-Ankersmit.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

образом ни одного из этих высказываний. В определении метафоры Анкерсмит восходит к аристотелевской традиции и рассматривает ее как скрытое сравнение, которое можно преобразовать без потери значения в буквальное высказывание. В «Нарративной логике» он отмечает, что метафора синтезирует знания о мире и «если бы она была отброшена, то исчезла бы согласованность, которую мы сообщаем миру благодаря исторической осведомленности и способности индивидуализировать Nss»¹¹⁷. Анкерсмит приписывает нарративу метафорический характер и, следуя за Данто, указывает, что и метафора, и исторический нарратив имеют интенциональную природу и референцированы сами к себе.

Одновременно Анкерсмит акцентирует внимание на ряде проблем нарративистской философии. Во-первых, в ней часто сохраняется изоляция субъекта и объекта, берущая начало в эпистемологической традиции. Во-вторых, вследствие постулата непрозрачности текста слишком большое внимание уделяется моментам, где внутренняя риторика текста вступает в противоречие с его внешней логичностью. В-третьих, нарративная субстанция, гарантируя легкий доступ к прошлому, вытесняет подлинный опыт. Именно данные проблемы философ пытается решить, переходя к исследованию исторического опыта.

На втором этапе творчества Анкерсмит обращается к исследованию ностальгической тоски, ощущений, чувства, атмосферы, интуиции и движется от рационализма истории к новому романтизму, стремясь восстановить непосредственность и аутентичность опыта, противостоящего рационалистической философии языка. В книге «История и тропология: взлет и падение метафоры» Анкерсмит понимает опыт прежде всего как ностальгию (ностальгическое воспоминание прошлого), которая позволяет получить наиболее интенсивное и подлинное воспоминание прошлого¹¹⁸. Философ характеризует ностальгическое прошлое как молчаливое и неподвижное, «неприветливое к ясным и полным силы паттернам исторической эволюции»¹¹⁹. Субъект подобного опыта осуществляет ностальгическое смещение, в результате чего действительность перемещается на периферию. В ностальгическом опыте субъект познает не «прошлое непосредственно», а расстояние между настоящим и прошлым, являясь прошедшим бытием, чистой категорией различия.

Анкерсмит сосредотачивает внимание на непосредственном опыте в восприятии прошлого, то есть «на том, как мы воспринимаем прошлое и

¹¹⁷ Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. С. 296–298.

¹¹⁸ Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. С. 331.

¹¹⁹ Там же. С. 340.

как этот опыт прошлого возникает в момент одновременного раскрытия и восстановления прошлого»¹²⁰.

В полемике с Р. Рорти, отвергавшим возможность доязыкового опыта и утверждавшим «перманентную вездесущность языка», Ф. Анкерсмит отрицает всеобъемлющий характер языка и предлагает теорию довербального опыта. Слово «опыт» ассоциируется прежде всего с чувственным контактом с миром. Философ отстаивает крайний вариант эмпиризма и, испытывая определенное влияние Э. Нагеля, говорит о возможности существования фактов, которые не могут быть выражены посредством человеческого языка, и предшествовании опыта языку.

Основополагающее влияние на концепцию возвышенного исторического опыта Анкерсмита оказал Й. Хейзинга. Однако Хейзинга говорил не об опыте, а об историческом ощущении, которое отличают следующие характеристики: «Объект этого ощущения – не отдельные люди, не человеческие жизни или мысли (насколько они вообще обладают различимыми контурами). Его едва ли можно назвать и образом, который сознание формирует само или который входит в него извне»¹²¹. Исторический опыт отличает ряд особенностей. Во-первых, посредством опыта осуществляется коммуникация между историком и прошлым. Во-вторых, в ходе деконтекстуализации субъект выходит из историографического контекста, поэтому прошлое открывается историку «с ошеломительной прямоотой и непосредственностью»¹²². В-третьих, «чувства и настроения проникают повсюду и окрашивают весь наш опыт»¹²³. Восприятие субъекта и объекта является аристотелевским, когда они выступают как равные партнеры, между которыми не существует четкой границы. Вследствие этого субъект способен стать чистым субъектом опыта, лишенным какого-либо содержания, которое предшествовало бы этому опыту. Хотя Анкерсмит отмечает, что субъект при этом не подвергается деконтекстуализации, фактически он осуществляет именно ее. В историческом опыте прошлое и настоящее сохраняют свою идентичность, приближаясь друг к другу на максимально близкое расстояние. Подобное движение деконтекстуализации устраняет весь контекст, однако без контекстуализации и историзации невозможна деконтекстуализация. Так как исторический опыт не бессмыслен, существует значение вне контекста. «Прошлое (объект) и настоящее (субъект) сливаются тут в чистом опыте, в опыте, лишенном субъекта, –

¹²⁰ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 29.

¹²¹ Там же. С. 180.

¹²² Там же. С. 186.

¹²³ Там же. С. 420.

это очевидно, поскольку субъект опыта так легко перемещается из прошлого в настоящее и наоборот»¹²⁴.

«Историку, переживающему исторический опыт, он должен казаться упавшим с неба, необъяснимым и неповторимым... Но этот намек на владение – иллюзия: исторический опыт просто выпадает историку или нет, он не может призвать или насильно его вызвать, единственное, что в его власти – решить, хочет ли он открыться ему или нет»¹²⁵. Вместе с тем, по нашему мнению, несмотря на подобные бессознательные и мистические объяснения природы исторического опыта, последний может быть рассмотрен как форма инкультурации, то есть трансляция культурной идентичности (религии, символов, национальной культуры, институтах, законов) из прошлого в настоящее.

Анкерсмит проводит дефиницию понятий объективного, субъективного и возвышенного исторического опыта. Под первым Анкерсмит понимает то, как люди прошлого сами воспринимали свой мир. Данный вид опыта может быть получен из газет, книг, источников, созданных очевидцами события. Эта область исторического письма достаточно исследована и не является предметом анализа философа. Субъективный исторический опыт находится там, где прошлое уже не зависит от настоящего, это «соприкосновение не только с прошлым в его квазиоуменальном виде, но и с аурой утраченного нами мира». Это личный опыт исследователя в противопоставлении опыту непосредственных участников события. Такой опыт появляется, когда какой-либо артефакт прошлого позволяет ощутить разрыв и обнаружить во фрагменте реальности нечто близкое исследователю. Возвышенный исторический опыт представляет собой радикальный вариант субъективного исторического опыта, поскольку уже не является переживанием дистанции между прошлым и настоящим и не предполагает обязательного ее наличия. Исследуя данную категорию, философ следует за Кантом, определившим возвышенное как ощущения, психические состояния или эмоциональные переживания, возникающие, когда человек сталкивается с чем-либо впечатляющим или пугающим. Возвышенное располагается только в сознании субъекта, являясь, по сути, ощущениями разума самого по себе.

Возвышенный опыт ближе к чувствам и настроениям, чем знанию, скорее онтологичен, нежели эпистемологичен, и «потому должен определяться скорее через то, что вы суть, чем через то, что вы знаете, каким знанием обладаете». Возвышенный и исторический опыты не обладают когнитивными функциями и не служат никакой цели, хотя их

¹²⁴ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 387.

¹²⁵ Там же. С. 252–253.

проявления могут иметь значение для человека, обладающего опытом¹²⁶. Вместе с тем следует согласиться с Айком, утверждавшим, что возвышенный опыт, как он представлен у Анкерсмита, характеризует также элитарный характер, поскольку примеры, приводимые философом, действительны и имеют значение только для элиты общества¹²⁷.

Психологическим эквивалентом возвышенного исторического опыта выступает травма. Испытывая определенное влияние Ф. Ницше, Анкерсмит обращается к проблеме травмы и связи ее с возвышенным, отмечая, что травма бросает вызов нашей идентичности, но в конечном счете считается с ней, в то время как возвышенное заставляет отказаться от прежней идентичности. Поэтому травма служит делу памяти, а возвышенное – забвению¹²⁸. Анкерсмит также воспринял фрейдистский подход к травме, рассматривая ее как неспособность пережить или ассимилировать травматический опыт, включив его в историю жизни. Вместе с травмой возникает не столько открытость к страданию, сколько определенная нечувствительность, «как будто вместилище страдания перестало отвечать истинной природе и размерам этого страдания»¹²⁹.

Утрату старого способа восприятия мира, понимание того, что он был заменен новым, следует считать наполненными драматизмом и трагизмом. Западный исторический дискурс детерминирован драматическими событиями истории Запада. «Коллективный опыт ужаса и страха, пережитый Европой в эпоху гибели Римской империи, эпидемии чумы 1348 года, Столетней войны, Французской революции и прочего, наделил прошлое Запада непреходящей болью. Тень этих страданий отразилась на народах Европы гораздо сильнее, чем периоды счастья и радости»¹³⁰.

Анкерсмит выделяет четыре типа забвения. Первый связан с возможностью забыть то, что никак не связано с настоящей идентичностью. Второй – с забыванием того, что важно для идентичности, но ранее не осознавалось. Третий тип забвения соответствует ситуациям, в которых у индивида появляются все основания забыть о каких-либо сторонах прошлого (например, когда память о них оказывается слишком болезненной), при сохранении идентичности. Четвертый тип забвения привлекает самое пристальное внимание философа. К нему относятся «наиболее решительные и глубокие изменения, которые западный

¹²⁶ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 314–316.

¹²⁷ Icke P. The Journey from language to experience: Frank Ankersmit's lost historical cause. P. 159.

¹²⁸ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 434.

¹²⁹ Там же. С. 482–483.

¹³⁰ Кукарцева М.А. Край возможного, или Размышления о новой книге Д. ЛаКапры [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/02/27/1251427393/4.pdf> (дата обращения: 12.11.2022).

человек претерпел в своей истории». В результате человек вступил на порог совершенно нового мира и сделал это благодаря тому, что забыл прежний мир и отсекся от предшествующей идентичности (например, Европа после Французской революции, промышленная революция и др.)¹³¹. Если в рамках третьего типа забвения от травмы можно избавиться, то в рамках четвертого типа она постоянно присутствует, что сопровождается ощущениями тяжелой и невозполнимой утраты, упадка культуры и безнадежной дезориентации. «Травму подобного рода мы будем всегда носить с собой, после того как История заставила нас напрямую столкнуться с ней; от этой травмы нельзя излечиться». Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности. Анкерсмит тем не менее мало заинтересован в индивидуальном или коллективном опыте травмы, обращаясь к цивилизации как субъекту травмы. Он выделяет два вида травмы: связанную с третьим видом забвения (травма-1), «которая при всей своей драматичности оставляет идентичность невредимой», и относящуюся к четвертому типу забвения (травма-2), которая предполагает переход к новой идентичности¹³². Травма-1 может быть преодолена посредством нарратива, создатель которого старается преодолеть опыт в повествовании. В случаях травмы-2 человек вынужден смотреть на себя, как на другого. Рассуждая о подобных случаях, Анкерсмит соглашается с Данто относительно наличия границ индивидуальной репрезентации мира.

Травма становится своего рода всепоглощающим «контекстом», стирающим эмпирическую релевантность других контекстов, поскольку открывает историю для непредсказуемости и жуткого. Понятия возвышенного и жуткого представлены разными способами. Возвышенное ближе к трансцендентности и «относится к надеждам или тревогам всего секулярного просвещения, все-таки испытывающего уважение к “сакральному и суеверному”». Жуткое относится к области имманентных форм возвышенного, к сублимации как интимному, внутреннему процессу. Возвышенное и жуткое по-разному соотносятся с феноменом травмы. Жуткое выступает в качестве причины или результата травмы. Возвышенное может быть рассмотрено как жуткое либо как обладающее эффектом жуткого¹³³.

В целом в философии Анкерсмита можно выделить два этапа и, следовательно, проследить две попытки создания исторической теории. Первый этап был связан с нарративной лингвистической философией. Для него характерно полное признание утверждения Уайта о том, что историческое повествование представляет собой нарратив, органи-

¹³¹ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 439–443.

¹³² Там же. С. 442–446.

¹³³ Кукарцева М.А. Край возможного, или Размышления о новой книге Д. ЛаКапры.

зованный и функционирующий в соответствии с лингвистическими правилами. Анкерсмит сводит нарративную философию к следующим утверждениям. Во-первых, нарратив не является образом прошлого вследствие отсутствия правил перевода и нарративной структуры прошлого. Во-вторых, нарратив историка, взятый как целое, предлагает некоторую интерпретацию прошлого, и эта интерпретация выражается в нарративной субстанции. В-третьих, нарратив тесно связан с метафорой. Исторический текст состоит из нарративных субстанций, которые репрезентируют прошлую реальность и могут быть охарактеризованы как обладающие разной степенью дескриптивных возможностей. Анкерсмит, рассуждая в границах нарративного идеализма, говорит об отсутствии прошлого и выступает против эпистемологии в историческом исследовании. Философ акцентирует эстетический аспект исторического исследования, рассматривая репрезентацию как эстетическое понятие.

Второй этап философии Анкерсмита характеризуется отходом от разделения субъекта и объекта. Обращаясь к аристотелевскому представлению о процессе познания, основывающемся на единстве сознания и познания, субъекта и объекта, Анкерсмит предлагает такую категорию исторического исследования, как опыт. Противопоставляя опыт языку, философ отмечает, что открытие опыта как категории исторического исследования является повторным открытием субъекта. В границах опыта субъект и объект выступают равными партнерами, между которыми сложно провести определенную границу. Возвышенный исторический опыт также отличается «случайностью»: в силу отсутствия определенных механизмов его обнаружения и присвоения он приходит к субъекту внезапно и даже бессознательно. В подобном опыте разрушаются все границы между миром и субъектом и происходит их слияние.

Семинар 7. Нарративная логика Ф. Анкерсмита

План проведения

1. Философские воззрения Ф. Анкерсмита.
2. Нарративный идеализм.
3. Нарративные субстанции.

Основные понятия темы: философия истории, история, нарратив, логика, нарративная субстанция, метафора, семантика.

Вопросы для самоконтроля

1. Какие две альтернативные формы философии истории предлагает Ф. Анкерсмит?
2. Что подразумевают под собой нарративный идеализм и нарративный реализм?
3. Какие три этапа в формировании нарративизма выделяет Ф. Анкерсмит?
4. Что такое нарративная субстанция?
5. Обладает ли прошлое нарративной структурой?
6. Каковы критерии оценки истинности нарратива?
7. Что представляет собой структура нарративистского мира?

Темы докладов

1. Нарративная логика Ф. Анкерсмита.
2. Нарративный идеализм и нарративный реализм.
3. Нарративные субъекты и нарративные субстанции.
4. Нарративные субстанции и метафора.
5. Объяснение, объективность и нарративные субстанции в истории.

Семинар 8. Ф. Анкерсмит: историческая репрезентация и исторический опыт

План проведения

1. Историческая репрезентация.
2. Феноменология исторического опыта.
3. Возвышенный исторический опыт.

Основные понятия темы: философия истории, история, нарратив, историческая репрезентация, исторический опыт, метафора, прошлое, возвышенный исторический опыт, травма, забвение.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимал Ф. Анкерсмит под исторической репрезентацией?
2. Чем является история в понимании Ф. Анкерсмита?
3. Каким образом Ф. Анкерсмит решает вопрос о соотношении нарратива и метафоры?
4. Что представляет собой исторический опыт? Какую теорию опыта предлагает Ф. Анкерсмит?
5. Что подразумевает под собой возвышенный исторический опыт?

6. Каким образом травма соотносится с категорией возвышенного?
7. Каким образом миф соотносится с категорией возвышенного?

Темы докладов

1. Ф. Анкерсмит: репрезентация в искусстве и истории.
2. Ф. Анкерсмит: историописание и реализм.
3. Ф. Анкерсмит: эффект реальности в историописании.
4. Ф. Анкерсмит: постмодернистская теория исторического опыта.
5. Ф. Анкерсмит: постмодернизм и историческая репрезентация.
6. Ф. Анкерсмит: возвышенный исторический опыт.
7. Ф. Анкерсмит: травма, забвение и возвышенное.

Работа с текстом

Возвышенный исторический опыт

... Но, как мы увидим далее, «памятка – или напоминание – забыть» есть нечто большее, чем психологическая наивность. Так, наше отношение к коллективному прошлому может порой заставить нас частично отречься от него, то есть отделить часть нашего исторического прошлого от нашей коллективной самости и от нашей коллективной исторической идентичности. И тогда мы оказываемся почти в положении Канта, вынужденного помнить или удерживать в сознании то, что он забывает. Значит, в такие моменты мы, парадоксальным образом, суть те, кем мы уже больше не являемся, в том смысле, что наша идентичность определяется теперь отказом от прежней идентичности.

В дальнейшем я надеюсь показать, что в таких ситуациях как с содержательной, так и с формальной точки зрения мы можем говорить о возвышенном историческом опыте... Многое прояснится, как только мы сможем увидеть, что возвышенное во многих, хотя и не во всех, отношениях является философским эквивалентом психологического понятия травмы. То есть, несмотря на то что травма бросает вызов нашей идентичности, она в конечном счете считается с ней, в то время как возвышенное заставляет нас отказаться от прежней идентичности. Поэтому травма служит делу памяти, а возвышенное – забвению. В итоге станет ясно, что все это может способствовать лучшему пониманию мифа и той ключевой роли, которую миф продолжает играть в современном историческом сознании.

Историзм и Ницше

... Наиболее убедительным все еще остается утверждение, что наша идентичность находится в прошлом. Философы (начиная с Локка) и психологи (начиная с Фрейда) почти единодушно согласны с тем, что на вопрос, кто мы суть, лучше всего отвечает рассказ об истории нашей жизни (в качестве *historia rerum gestarum*) и в особенности наша память об этой истории (в качестве *res gestae*). В соответствии с этим утверждением обладание знанием о нашей собственной идентичности имеет большое практическое значение: любой осмысленный и ответственный поступок берет в нем свое начало. Что бы мы сказали о генерале, который вдруг забыл бы о своей идентичности и стал бы вести себя как повивальная бабка, или наоборот? ...

Как мы все хорошо знаем, Ницше подверг критике созданную историзмом концепцию (назначения) истории в своем втором «Несвоевременном размышлении». Ницше утверждал, что забвение, по крайней мере в определенных пределах, является условием успешного действия или, возможно, даже условием нашей способности вообще совершать любые осмысленные действия. Ибо тот, кто не может отделаться от собственного прошлого и желает связать свои действия с последними и тончайшими ответвлениями исторического процесса, никогда не соберется с духом, чтобы совершить хоть какой-нибудь поступок: «Где мы найдем те деяния, которые человек мог бы совершить, не войдя предварительно в туманную полосу неисторического?» Следовательно, знание о прошлом парализует любое действие; ведь любое действие до некоторой степени представляет собой разрыв с тем, каковым было прошлое, и в этом смысле является, по сути, а- или антиисторичным. Ницше даже недвусмысленно говорит о том, что мы можем пресытиться историей и такое пресыщение не будет способствовать лучшему пониманию нашей идентичности, но, напротив, приведет к невозполнимой потере идентичности: «Представьте себе как крайний пример человека, который был бы совершенно лишен способности забывать, который был бы осужден видеть повсюду только становление: такой человек потерял бы веру в свое собственное бытие, в себя самого, для такого человека все расплылось бы в ряд движущихся точек, и он затерялся бы в этом потоке становления». Очевидно, что это прямая противоположность идее историзма. Теперь нас не может не удивить, что историзм, как он был определен выше, на самом деле более последователен и радикален, чем сам Ницше...

Но даже если мы готовы простить Ницше его непоследовательность, нельзя усомниться в том, что историк предпочтет точку зрения историзма, а не Ницше. Неотъемлемой частью исторической профессии является

необходимость показать, что все казавшееся ранее находящимся вне сферы истории при внимательном рассмотрении охватывается историческим развитием. Говоря словами Гераклита, «*panta rhei kai ouden menei*». Это может объяснить, почему ни историки, ни теоретики истории никогда не видели в ницшевской диатрибе против историзма XIX века серьезный аргумент в пользу необходимости забвения. Ведь это могло бы вызвать нелепые вопросы о том, зачем нам вообще интересоваться историей. Нам не нужны историки, чтобы забывать о прошлом. Вероятно, поэтому историки предпочитают не касаться проблемы забвения, даже если они готовы признать, что в чем-то Ницше был прав. Всем нам хорошо известно, что иногда бывает благоразумнее симулировать свое согласие с удобным недопониманием, чем обрести лучшее знание и понимание, и пожертвовать меньшей истиной, чтобы заручиться обладанием большей. Я хочу быть правильно понятым. Мне прекрасно известно, что последователями Маркса и Фуко написаны уже целые библиотеки о том, что в самом прошлом было обделено вниманием, намеренно оставлено в стороне или оказалось просто забытым. Но речь здесь идет не об этом...

Поэтому, насколько я знаю, Ницше остается единственным теоретиком, который серьезно подошел к вопросу о том, почему и при каких обстоятельствах историку следует содействовать и благоприютствовать забвению прошлого, – и мы должны восхвалить его за это. Но его анализ забвения не доведен до конца. И чтобы исправить этот недостаток, я предлагаю начать с различения четырех типов забвения.

Четыре типа забвения

Вначале скажу о том, что касается первого типа. Как мы знаем из повседневной жизни, в нашем прошлом есть много такого, что мы могли бы спокойно забыть, поскольку все это никак не связано с нашей настоящей или будущей идентичностью. То, что у нас было на обед в прошлое воскресенье или куда мы ходили гулять с собакой, никак не влияет ни на нашу идентичность, ни на важные решения, которые нам приходится принимать в жизни. Эти стороны нашего существования мы можем спокойно забывать без риска для нашего психического здоровья, равно как для нашей коллективной, социальной или политической деятельности. По всей вероятности, именно их имел в виду Ницше, и здесь мы можем только согласиться с ним. Однако то, что вначале не имело никакого значения, может оказаться неожиданно важным позднее. Предположим, что во время прогулки с собакой мы встретили кого-то, кто в дальнейшем должен будет изменить нашу жизнь. И потому у нас появится причина вспомнить, куда же мы тогда ходили гулять. Аналогичным образом, переходя к уровню коллективного существования,

можно сказать, что благодаря *Alltagsgeschichte* мы смогли осознать, что повседневная жизнь имеет свою собственную историю и эта история может оказывать серьезное влияние на нашу коллективную идентичность.

Это автоматически подводит меня ко второму типу забвения. Как подсказывает пример с *Alltagsgeschichte*, мы могли забыть то, что важно для нашей идентичности и нашей деятельности, но ранее мы просто не осознавали этого. Что касается уровня индивидуального существования, мы можем поразмыслить здесь о тех лишь по видимости малозначимых деталях нашей жизни или нашего поведения, которые, как показывает психоанализ, имеют огромное значение для личности. Кто мог бы предположить, что существенная часть личности открывается благодаря сексуальным фантазиям (допустим, что Фрейд был прав в этом отношении)? И так же обстоит дело с историческими сочинениями. Историки иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов. Так, в свое время историки эпохи Реставрации Огюстен Тьерри и Франсуа Гизо, а также Маркс и кафедральные социалисты настаивали на том, что национальная история, рассказывающая только о политике и не затрагивающая социально-экономические вопросы, должна рассматриваться как существенно неполная. Такие тематические сдвиги делают историю исторических сочинений похожей на психоанализ. Ибо она побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали никакого внимания.

Однако есть еще третий тип забвения, соответствующий ситуациям, когда у нас появляются все основания забыть о тех или иных сторонах нашего прошлого, например, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включить их в наше коллективное сознание. Образцовым примером здесь, конечно, является то, как в первые два десятилетия после Второй мировой войны в Германии, и не только в ней, был «забыт» Холокост. Воспоминания о нем были настолько зловещими и настолько мучительными – как для пострадавших, так и для преступников, – что долгое время он был недоступен для сознательной памяти. Результатом этого стало вытеснение и, как следствие, любопытный парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О нем забывают, поскольку его могут успешно вытеснить из сознательной памяти, и о нем помнят, поскольку субъект травматического опыта серьезно искалечен им. Диссоциация личности на сознательную и бессознательную части самости говорит о невозможности забыть то, что требуется забыть. Переводя травматический опыт в область бессознательного, мы можем, конечно, забывать о нем. Но храня его там, мы вместе с тем будем помнить о нем бессознательной

памятью. И в качестве бессознательной памяти он постоянно напоминает о том, что есть нечто, что мы должны или хотели бы забыть...

Наконец, нам следует выделить также четвертый тип забвения... Несколько примеров помогут прояснить то, что здесь является предметом обсуждения. Вспомните о Европе после Французской революции, о том, как промышленная революция совершенно изменила жизнь западноевропейского человека, вспомните о том, что для нашего *ouillage mental* должна была означать «смерть Бога». Вне всяких сомнений, эти драматические преобразования относятся к наиболее решительным и глубоким изменениям, которые западный человек претерпел в своей истории. Во всех этих случаях он вступил на порог совершенно нового мира и смог сделать это главным образом благодаря тому, что забыл прежний мир и оторвался от предшествующей идентичности.

Вхождение в этот новый мир автоматически означает отказ от прежнего мира, «мира, – приведу здесь хорошо известное и точное выражение Питера Ласлетта, – который, мы потеряли» навсегда. И забвение здесь всегда является условием обретения новой идентичности. Во всех этих случаях вынужденный отказ от традиционного и некогда привычного мира был чрезвычайно болезненным и переживался мучительно. Поэтому эти преобразования оказались не менее травматическими, чем коллективный опыт того рода, на который мы обращали внимание в связи с предыдущим типом забвения. Однако здесь есть и существенные различия. Дело в том, что в рамках предыдущего типа забвения от травмы можно избавиться, в то время как в рамках четвертого типа она постоянно и непрерывно сохраняет свое присутствие. Конфликт между тем, что присутствует в сознании и в бессознательном, или между воспоминанием и забвением, всегда можно разрешить внутри третьего типа, пусть иногда и с великим трудом. Ибо как только травматический опыт можно будет представить в форме нарратива (как обычно это и происходит в случае психоаналитического лечения травмы), как только он будет успешно включен в историю чьей-либо жизни, он утратит свой зловещий и собственно травматический характер. Тогда травматический опыт приспособляется к идентичности, равно как и она приспособляется к нему. Или, если использовать здесь точную терминологию, в такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, примирение, уважающее опыт и идентичность и потому гарантирующее им продолжительное сосуществование. Верно, что договор о новом соотношении сил между ними возможен только ценой величайших усилий, ценой чрезвычайно болезненного погружения в прошлое индивида или коллектива, но его можно достигнуть. Но даже если примирение не достигнуто – что, конечно, само по себе уже довольно плохо, – это с необходимостью не влечет за собой смерть или утрату

предыдущей идентичности. Как мы знаем из психопатологии, наихудшим сценарием может стать сосуществование двух идентичностей (предыдущей идентичности и той новой, что выкристаллизовалась из травматического опыта). И даже тогда предыдущая идентичность останется доминантной; травма может сотрясти ее до основания, но это не приведет к отказу от прежней идентичности в пользу совершенно новой. Этого попросту не может быть, поскольку травма всегда свойственна той идентичности, чьей травмой она является, и потому с необходимостью предполагает непрерывность идентичности.

Желание быть и желание знать

Совершенно иначе обстоит дело с четвертым типом забвения. Вызывающие его исторические преобразования всегда сопровождаются ощущениями тяжелой и невосполнимой потери, упадка культуры и безнадежной дезориентации. В этом смысле такие исторические испытания являются, безусловно, травматическими. Но в таких ситуациях последствия травматического опыта рискуют оказаться гораздо более драматичными: здесь действительно люди теряют себя, здесь безвозвратно утрачивается прежняя идентичность и на смену ей приходит новая историческая и культурная идентичность. Поэтому в подобных ситуациях не может быть и речи о примирении прежней и новой идентичности и, следовательно, нет места никакому устройству, которое помогло бы нам восстановиться после травмы. Травму подобного рода мы будем всегда носить с собой, после того как История заставила нас напрямую столкнуться с ней; от этой травмы нельзя излечиться. Новая идентичность во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности – и именно в этом заключается ее главное содержание. И неотвратимая истина заявляет о себе благодаря (мучительному, смиренному или какому-то другому) осознанию, что утраченное невозможно будет вернуть никогда.

Мы можем сказать, что наша коллективная идентичность в основном есть совокупность шрамов в нашей коллективной душе, шрамов, оставленных вынужденным отказом от прежней идентичности, шрамов, которые никогда нельзя будет изгладить полностью и которые всегда будут вызывать в нас длительную и нескончаемую боль. Прошлое будет следовать за нами, как ушедшая любовь: отсутствующая, но именно в силу этого всегда так крайне мучительно присутствующая в нас. Этому явлению было дано точное название – «боль Прометея». Благодаря этой боли цивилизация постоянно помнит об идиллических «утраченных мирах», от которых она была вынуждена отказаться в течение своей долгой истории и которые никогда уже не вернуться к ней, каким бы сильным ни было томление по потерянному раю. Разницу между третьим и

четвертым типами забвения можно также прояснить, указав на то, что в третьем типе некоторая своеобразная идентичность (коллективная или индивидуальная) является универсумом, в рамках которого разворачивается психологическая трагедия, хотя сам этот универсум никогда не бывает затронут этой трагедией. Этот универсум остается невредимым вместе со всеми действующими в нем психологическими законами и механизмами, которые определяют возможную реакцию на травматический опыт. Именно поэтому и в связи с таким характером психологического универсума мы можем выталкивать травматическую утрату на темные задворки бессознательного. Ибо бессознательное является неотъемлемой частью нашей идентичности, готовой предложить нам своеобразное убежище, в котором мы порой больше всего нуждаемся. Но четвертый тип забвения – это совсем другое дело, поскольку на кон здесь поставлена вся прежняя идентичность (как сознательная, так и бессознательная); и теперь уже нет места, куда мы могли бы временно отложить травматический опыт до того момента, когда сможем собраться с силами, чтобы посмотреть ему в лицо. Между идентичностями возникает пустота и нет даже прослойки бессознательного.

Таким образом, нам следует различать два вида травмы: с одной стороны, есть травма, связанная с третьим видом забвения (травма-1), которая при всей своей драматичности оставляет идентичность невредимой, с другой стороны, имеется травма, относящаяся к четвертому типу забвения (травма-2), которая предполагает переход от прежней к новой идентичности. В последнем случае травматическая утрата поистине является утратой (прежнего) самого себя. А что может быть больше такой утраты, максимально приближающей нас к смерти? Исследуем теперь травму-2.

Наиболее удобным отправным пунктом станет для нас реакционное и консервативное восприятие Французской революции. Исследуя природу консерватизма, Карл Манхейм подчеркивал необходимость проводить ясное различие между консерватизмом и традиционализмом (этот термин впервые начал использовать Макс Вебер). Традиционализм характеризует свойственную любому человеку зависимость выбора своей жизненной ориентации от устоявшихся традиций; в этом смысле всякий человек (и даже революционер) является традиционалистом. Согласно Манхейму, Французская революция внезапно заставила людей осознать, что они всегда жили в мире традиций, хотя и не давали себе в этом отчета: просто потому, что таков был их образ жизни и таковым было их мировоззрение. Но Великая революция неожиданно вознесла их над миром неосмысленных традиций и впервые заставила задуматься о них. И, следовательно, консерватизм, как убедительно показывает Манхейм, стал осознанием традиции – и это может объяснить непреодолимую пропасть, разделяющую традиционализм и консерватизм. До революции невозможно

было быть консерватором; после революции уже невозможно было быть традиционалистом – именно революция возвела между ними несокрушимый барьер. Но действительно интересное следствие из этого заключается в том, что консерватор в неменьшей мере, чем революционер, является частью послереволюционного порядка, которому он столь яростно противится.

Новалис уже видел этот парадокс, когда, прочитав в 1790 году, сразу после их публикации, «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Бёрка, оставил краткую запись: «В пользу революции было написано множество антиреволюционных книг. Бёрк написал революционную книгу против революции». Так что даже для консерватора немыслимо возвращение к дореволюционному порядку; и поэтому консерваторы, глубоко сожалевшие о революции и твердо стоявшие на том, что такие катастрофы никогда не должны случаться вновь, в то же время были готовы признать революцию неопровержимым фактом, с которым мы должны научиться сосуществовать тем или иным образом. Даже консерватор осознавал, что, как бы яростно он ни проклинал революцию, мир необратимо и неумолимо обрел новую идентичность и человеку мудрому и чуткому остается только согласиться с этим. Сказанное выше отчасти верно и для реакционного восприятия революции. Реакционер не меньше, чем консерватор, понимал, что он изгнан из идиллии дореволюционного и доиндустриального мира. Он также понимал, что живет, по сути, при послереволюционном порядке и, следовательно, в неменьшей степени, чем консерватор, выходит за рамки веберовского традиционализма. Тот факт, что мы описываем его позицию как «реакционную», является тому достаточным подтверждением. Ибо реакционная позиция – это, в конечном счете, реакция на Французскую революцию и, следовательно, предполагает последнюю...

Мы сможем объяснить или прояснить эту разницу с помощью различия между травмой-1 и травмой-2. Несмотря на то, что реакция реакционера на Французскую революцию гораздо более неистовая и непреклонная, чем у консерватора, именно последний, перенеся наибольшую утрату, избирает для себя то, что действительно является *via ardua*. Если реакционер будет переживать утрату дореволюционного мира в терминах травмы-1, то консерватор будет претерпевать это историческое замешательство в терминах травмы-2. Иначе говоря, если реакционер не видит в революции (и в ее последствиях) окончательного разрыва с дореволюционной идентичностью, то консерватор осознает, что дореволюционный порядок исчез навсегда и уже не будет восстановлен. И поскольку, с точки зрения реакционера, дореволюционную идентичность еще можно вернуть, его отношение к прошлому можно определить в терминах бытия. Прошлое – это объект желания быть – реакционер хочет,

чтобы прошлое вновь стало таким, каким было однажды. Консерватор же, напротив, понимает, что пропасть между двумя различными историческими или культурными идентичностями навеки разлучила его с прошлым. Поэтому его желание прошлого может быть только желанием знать...

История стала объектом знания, объектом исследования, навсегда отделенным от мира субъекта, от мира историка. Прошлое стало миром, успешно сопротивляющимся любым попыткам восстановить союз бытия и знания. Как в платоновском мифе о возникновении полов, к которому отсылает второй эпиграф этой книги: могучая сила исторического эроса никогда не сможет сломить то упорство, с которым прошлое – теперь ставшее частью объективной реальности – будет сопротивляться нашему воссоединению с ним. Если говорить прямо, «мы просто уже не попадем в прошлое». Нас вытолкали, выставили или изгнали из прошлого; или, говоря точнее, по причине некоторого ужасного события (такого как Французская революция) мир, где мы привыкли жить наивно и беззаботно, распался на прошлое и настоящее – как тот снежный ком, о котором мы говорили в связи с Бенъямином.

Поэтому история в качестве дисциплины, изучающей прошлое, является продуктом консервативной, а не реакционной реакции на революцию, на утрату прошлого и прежней идентичности. Мы могли бы также сказать, что реакционер живет иллюзией, будто мы можем узнать о прошлом так много, что знание в конце концов превратится в бытие и, таким образом, мы сможем снова стать теми, кем были раньше. И это, по видимому, означало бы конец травмы-1 (которого так сильно желает реакционер), хотя это никогда не могло бы быть концом травмы-2 (поэтому консерватор соглашается с необходимостью жить при послереволюционном порядке). Однако требуется внести уточнение в только что приписанную консерватору готовность принять настоящее (и неявным образом отказаться от дореволюционного прошлого). Речь не идет о принятии, которое снимает всякое напряжение в отношении к дореволюционному прошлому. Это станет ясно, если мы осознаем, что для консерватора – в случае травмы-2 – происходит нечто прямо противоположное тому, что было сказано по поводу реакционера. А именно, желание знать действует здесь в качестве заместителя – или сублимации – желания быть. И желание знать будет тем более интенсивным, что оно *sui generis* никогда на деле не может быть подобным заместителем.

Следовательно, травма-2 никогда не прекратит оказывать свое воздействие, поскольку все, что будет рассказано о прошлом, все истории и рассказы, которые культура желает рассказать самой себе о своем прошлом и о том, что переживается в связи с ним как травматическое, будет рассказано с точки зрения послереволюционной идентичности и в

этом смысле только усилит, а не смягчит чувство травматической утраты. И в этом состоит принципиальное различие между травмой-1 и травмой-2: в случае травмы-1 правдивая история о травмирующем прошлом может в конечном счете привести к примирению травматического опыта и идентичности. И тогда с травмой-1 можно будет справиться. Но такое примирение немыслимо в случае травмы-2...

Историческое исследование прежней идентичности мотивируется желанием вновь обрести эту идентичность; но всякий раз, когда возвращается часть прежней идентичности, к различию между прежней и нашей настоящей идентичностью (непреднамеренно) добавляется какой-то новый аспект. Таким образом, писание истории должно быть до странного непродуктивным занятием, поскольку его постоянно подводит наилучший заместитель – желание знать, но именно такое положение дел заставляет историка предпринимать все новые и новые усилия, чтобы исполнить невозможное требование и преодолеть пропасть между бытием и знанием...

... Поэтому смена прежней идентичности на новую на самом деле может происходить в мире истории и культуры (хотя и здесь она случается очень редко), но применительно к отдельным людям мы можем говорить о ней только в метафорическом смысле. Очень трудно, если вообще возможно, дать удовлетворительный ответ на вопрос, является ли «травма» подходящим термином для описания той утраты культурной или исторической идентичности, которая является предметом настоящего обсуждения. Если термин «травма» обычно используется для описания неспособности свыкнуться с утратой, тогда этот термин не является абсолютно неприемлемым. Но, с другой стороны, поскольку от травмы-2 невозможно окончательно избавиться, кажется, что, по крайней мере, в одном важном аспекте здесь имеется расхождение с тем, что обычно понимается под травмой. Но это еще не все. Мы можем говорить о травме-2 только в терминах идентичности: только понятие идентичности может пролить свет на то, что имеет отношение к травме-2...

Но в мире истории и культуры границам идентичности все время грозит опасность, они постоянно нарушаются – и потому понятие идентичности здесь так сильно востребовано. В мире истории и культуры могут разыгрываться трагедии, которым нет никакого близкого аналога даже среди самых ужасных психических заболеваний. Наша коллективная психология знает катастрофы, размеры которых далеко превосходят все, что может случаться в масштабе индивидуальной психологии, – и нам остается только принять решение, можно ли считать такие катастрофы травмами, поскольку ортодоксальное значение этого термина является здесь ненадежным проводником...¹³⁴

¹³⁴ Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. С. 433–450.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Логика анализа исторических ситуаций и нарратив: модель К. Поппера – К. Гемпеля.....	6
Глава 2. А. Данто: проблема исторического нарратива.....	25
Глава 3. Хейден Уайт: нарратив и метаистория.....	43
Глава 4. Ф.Р. Анкерсмит: повествование и исторический ОПЫТ.....	62

Вера Павловна Потамская

**Философия истории:
нарратив в историческом познании**

Учебное пособие

Редактор М.Б. Юдина
Корректор Я.А. Петрова

Подписано в печать 10.03.2023

Формат 60×84/16

Физ. печ. л. 5,25

Тираж 50 экз.

Усл. печ. л. 4,88

Заказ № 8

Бумага писчая

Уч.-изд. л. 4,57

С – 8

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22